

Алексей Аринин



**КЕНТ
НЕНАГЛЯДНЫЙ**

Алексей Аринин
Кент ненаглядный

«Издательские решения»

Аринин А.

Кент ненаглядный / А. Аринин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968227-7

Кент ненаглядный Макс и Таня — пара. Он — сама решительность, она — сама красота. Она обеспечена, он — вчерашний зэк. Есть любовь, и есть понимание, но Макс хочет сказать свое слово. Его манит большой куш; однако на пути у него банда вероломных мерзавцев, мент со странными принципами и одержимый прошлым тюремный волк. А в команде Макса только призраки прошлого да лучший друг. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-968227-7

© Аринин А.
© Издательские решения

Содержание

Свобода	6
Немного истории	11
Жизнь вдали от жизни	18
Дитя любви	20
Человек, который смотрит на звезды	25
Старуха	29
«Чистильщики»	36
Здравствуйте, ребята!	40
Куда приводят крылатые мечты	46
Звезды подмигивают	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кент ненаглядный

Алексей Аринин

© Алексей Аринин, 2019

ISBN 978-5-4496-8227-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свобода

Черное и серое, серое и черное – вот два цвета, с которыми прощался Макс в час, когда заря только закрасила небо на востоке. Громадные, режущие слух своим скрежетом ворота выпустили его в удивительный мир, где можно свободно передвигаться, ложиться спать в любое время и не видеть того, кого видеть не хочется.

Есть в вольном воздухе нечто такое, что кружит голову, заставляя мысли нестись вскачь; пронизанное трепетной дрожью тело потеет, а слова заплетаются, точно ноги забулдыги.

Макс не стал исключением – хлебнув розового дурмана, он опьянел и потерял ориентацию. Зеленые низкорослые деревья, приветствующие его тихим шелестом молодой листвы, расплылись перед глазами. Все вокруг стало мутным, будто кто-то невидимый нес впереди большое запотевшее стекло.

Свобода, всегда далекая и всегда долгожданная, делает людей растерянными и глупыми. Макс, возможно, отмахал бы все сто километров, отделяющие зону от родного дома, и даже не ощутил бы тяжести в ногах, но... Но шорох шин крадущегося позади автомобиля заставил его оглянуться.

– Кент ненаглядный, – сказала голова, высунувшаяся в окно джипа.

Макс замер на месте, чувствуя, как заметался в худом теле адреналин. Глаза влажно заблестели, а тонкие бескровные губы сами собой разъехались в сдержанной улыбке.

– Славка! Славян!

Макс двинулся навстречу выскочившему из машины Славке. Они обнялись, похлопывая друг друга по спине.

– С освобождением!

– Благодуха!

У стороннего наблюдателя эта парочка могла вызвать ассоциации с бессмертными героями Сервантеса – Дон Кихотом и Санчо Пансой.

Прямой, как палка, Макс был высок ростом и светловолос. Его длинные руки-плети заканчивались тонкими музыкальными пальцами, которые могли бы вдохновенно порхать по клавишам рояля, но вместо этого вытаскивали кошельки у зазевавшихся прохожих. Белую лебединую шею венчала голова, наполненная знаниями, делающими человека интересным собеседником и опасным противником в споре. На бледном продолговатом лице выделялся крючковатый нос, сующийся в чужие дела и в зажиточные квартиры. От светло-голубых глаз Макса веяло январской стужей. Такие глаза могут пригвоздить вас к земле и просверлить до самой души. Их обладателю едва минуло тридцать, но годы эти были насыщены стремительными взлетами и захватывающими дух падениями, приступами болезненного влечения и периодами хронической безразличности к слабому полу. Жизнь его изобиловала замечательными находками и горькими утратами.

Макс любил хорошо одеться, и даже покидая мрачный, убого-бетонный мир лагеря, выглядел щеголем. Блестящая темная рубаша с коротким рукавом, светлые, идеально подогнанные джинсы и туфли, начищенные до такой степени, что в них можно было смотреться, как в зеркало, и давить прыщи – он совершенно не походил на человека, пять минут назад попрощавшегося с казенным тавро. Если бы Максудумалось зайти в дорогой бутик, его тут же обступили бы улыбающиеся продавщицы, безошибочно отличающие уважаемых людей от охающих зевак, что приходят поглазеть на ценники.

Славка выглядел по-другому. Крепкого телосложения, приземистый, с большой, точно снятой с более громоздкого тела, головой, он напоминал борца, хотя был так же далек от спорта, как гиппопотам от балета. Цвет его одежды, всегда бледный и равнодушный, делал этого парня невзрачным, незаметным звеном толпы. Собственно говоря, у него никогда не воз-

никало желания быть ярким и сверкать подобно бриллианту. Он называл себя «маленьким простым человечком», и это, наверное, являлось правдой.

– Экипаж подан? – Макс указал на старый джип, терпеливо ожидающий пассажиров. – Твой?

Славка улыбнулся и покачал головой:

– Нет. Взял на денек – перед тобой покрасоваться.

– Решил встретить по-богатому?

– Угу. День освобождения – он ведь, как день свадьбы: волнительный и торжественный.

Что может быть лучше, чем «крузёр» в такой день?

– А я-то думал, ты сбербанк ограбил, раз на такой телеге едешь, – подмигнул Макс другу, – или родственников в Саудовской Аравии заимел, чтобы с бензином не мучиться.

Они рассмеялись так, как смеются только от души люди, позабывшие все тревоги, обиды и неприятности.

Утопая в холодной и удивительно приятной коже, Макс зажмурился и скомандовал:

– Жми на гашетку.

Джип сорвался с места, будто обожженный ударом плети конь. Деревья в июньских изумрудных нарядах, почерневшие сгорбленные избушки, машины, дремлющие у обочин – все замелькало, проносясь мимо с невероятной быстротой. Минута, другая – и зона, этот кипящий котел ненависти и страданий, осталась далеко позади. В ту самую минуту Макс думал, как здорово было бы никогда-никогда в жизни не слышать больше храпа спящих эков в напряженной тишине барака и не видеть молодых, но уже морщинистых лиц, на которых тюрьма безжалостно поставила свою суровую печать. Он опустил стекло и с наслаждением подставил голову вышибающему слезу ветру.

– Э-э-э-й! – закричал он и, ткнув Славку кулаком в плечо, воскликнул: – Ветер-то какой... твою мать! Такого и не сыщешь нигде в целом мире! Потому, что это ветер свободы! Свободы, понимаешь!? Благословенный 2004! Лучший год в моей жизни!

Славка, не отрываясь, глядел на серую, пожираемую колесами джипа дорогу.

– Остановись.

Лицо Макса стало серьезным, и сорвавшееся с его уст прозвучало совсем не как просьба. То был приказ, а Славка всегда подчинялся человеку, много лет назад позвавшему его в путь за золотым руном.

Тормоза взвизгнули, будто уличная девка, укушенная за сосок пьяным клиентом. Сиротливо-одиноким джип замер на пустынном шоссе. Славка повернул голову и робко встретил пронизывающий холодный взгляд друга.

– Значит, правду мне писали в лагерь, что тебя унесло в сторону героя, – Макс чеканил каждое слово. – При мне этот твой роман с иглой только начинался.

Славка хотел сказать что-то в свое оправдание, и даже открыл рот, но Макс, спокойный и безжалостный, не хотел слушать слюнявых признаний.

– Я думаю, – начал он, – слова тут бесполезны. Был бы ты шестнадцатилетним сопляком – дело другое: в наручники, и в подвал, чтобы перекумарил. Но тебе, слава Богу, за тридцатник, а в такие лета каждый подтирает себе жопу сам. Ты сделал свой выбор... и то, что ты выбрал, скажу честно, самое худшее из всего.

Славка пропустил эти измученные слова мимо ушей. Он и сам знал: героин – говно-дело. Знал, и испытывал угрызения совести всякий раз, когда насыпал порошок в чайную ложку. Знал, и продолжал колотиться, колотиться с некой обреченностью, будто десница неумолимого рока подталкивала его постоянно брать зелье.

Тягостную тишину, молчаливым облаком висящую над джипом, отогнал Славка, включив магнитола так громко, что сам едва не подпрыгнул в кресле.

«Ла-ла», – пела поп-звезда, но Макс не слушал эту отупляющую чушь. Он думал о том, что у певицы крепкие, стройные ноги, упругий зад и грудь, имея которую, можно не носить бюстгальтер. Эти раздумья участили пульс и заставили шевелиться в джинсах змею, за четыре года соскучившуюся по нежной девичьей плоти.

Макс нажал на кнопку и, выключив слащавое бляенье, задумчиво произнес:

– Удивительно устроен мир. Человек – венец природы, а безмозглые растения убивают его.

– Ты о чем?

– О наркотиках. Следи за дорогой! Водитель машины – потенциальный убийца, а водитель-наркоман – потенциальный убийца в квадрате. Расскажи-ка лучше, как изменился свободный мир за те весны, что меня стерегли собаки.

И Славка, набрав в грудь воздуха, начал свою повесть. После двадцати минут его монолога Макс понял, что самолеты нынче падают с неба, как шишки с кедра, неприкасаемых больше нет, а надежду рождает только неосведомленность. Мафия – это уже не отмороженная молодежь, а жирные дядьки, засевшие в Думах. Братва сгинула в одночасье, как Орден тамплиеров, милиция стала более осторожной, но не менее продажной. А чиновники начали брать такие взятки, будто завтра грянет конец света и нужно в кратчайший срок получить от жизни сполна. В целом же изменились лишь названия, суть осталась прежней. В России всегда умели разлить старое вино в новые бутылки и выдать древнее и избитое за нечто свежее и молодое.

Славка был не ахти каким рассказчиком, и частенько терял нить повествования. Даже в кругу хорошо знакомых ему людей он почти всегда выбирал роль слушателя; при посторонних же он становился немым, как статуя, а большого скопления народа боялся и избегал. Возможно, он страдал агорафобией, но, скорее всего, ему мешал «комплекс маленького человека», живущий в нем едва ли не с рождения. Славка чувствовал себя уверенно, только отправляясь воровать. Черт возьми, он любил воровать ничуть не меньше Макса, и ощущал себя на крыше мира в минуты, когда адреналин закипает в крови. Адреналин не хуже героина, а риск – первое лекарство от хандры...

– Значится так, – Макс звонко хлопнул в ладоши, так и не дослушав до конца путанный рассказ друга. – Эюд в мрачных тонах. Раньше были времена, нынче – лишь мгновения, раньше поднимался член, а теперь – давление. Все плохо, или я тебя неправильно понял?

Славка, которому очень понравилась незатейливая рифма, с улыбкой кивнул.

– Ха, – усмехнулся Макс. – Кстати, я и не думал, что жить стало лучше, жить стало веселее. В нашей гребаной стране все меняется только в худшую сторону. Глупый зэк всегда думает, будто на свободе его ждет лимузин с миллионом баксов в багажнике. А еще он думает, что повсюду рассыпаны груды бриллиантов, которые он обязательно соберет, лишь бы поскорее на воле очутиться.

– Ты так не думаешь?

– А, по-твоему, я похож на идиота?

– Нет, – сказал Славка от души. – На идиота ты не похож. И все-таки, чем ты собираешься заниматься?

Макс, готовый к этому вопросу, ответил незамедлительно:

– Робингудствовать.

Сколько раз он из всего тусклого и унылого уносился в мечтах ко всему сияющему и веселому! И вот оно – арабская сказка стала реальностью. Кажется, закрой на миг глаза – и откроешь их уже в давящей со всех сторон серости барака. Как же это жестоко, как тяжело: разомкнув веки, осознать, что виденное тобой – лишь сон. Твоя рука касается пыльной тумбочки, но на ней вовсе не пыль, а пепел надежд, и лед металлического «шконаря» – в действительности лед бесконечного ожидания.

«Даже не верится», – словно стряхивая с себя наваждение, Макс мотнул головой и покоился на Славку.

Тот рулил, и не собирался таять в воздухе, отбирая у друга все это волшебство. Он был живой, осязаемый, недавно ширнувшийся. Чувствуя на себе знакомый взгляд – взгляд, которого ему так не хватало – он глубоко вздохнул, подавив просящуюся на губы улыбку. Макс на воле, Макс рядом, и все будет хорошо! Да, дружить с ним непросто, но если *дружишь по-настоящему* – принимай друга таким, каков он есть. Он, Славка, готов терпеть резкости Макса, и неосторожные, грубые слова он ему простит, как прощал много лет. Здорово, что Максимен вышел; он из тех ребят, знакомство с которыми может поменять жизнь. Он личность. Когда о нем говорят плохо, у Славки непроизвольно сжимаются кулаки, а плохо о нем говорят только, когда его нет поблизости. Еще бы, ха-ха, Максу стоит зыркнуть – и у шушукающихся за его спиной ничтожеств слова в горле застрянут. Если он нагрянул к кому-нибудь с претензией – этому «кому-нибудь» ясно: пришло время платить по вексялям, если он сказал, что поможет – жалкого нытья о том, что «ничего нельзя было сделать» от него не услышишь.

Славка порой ему чуточку завидовал. Нет-нет, не зубами скрежетал, а хотел быть похожим на него. Макс иногда такое скажет, что охота записать в блокнот, чтоб потом не забыть. Это, наверное, оттого, что он много читает...

Славка помнил, как однажды мать, увидев его с Максимом, схватила за голову:

«Сын, ты и вправду сбрендил. Твой дружок – Максим Немов!»

«Не дружок, – поправил ее Славка. – А друг».

«Еще не лучше, – качала она головой. – О нем ходят ужасные слухи. Люди просто так не болтают, понимаешь? Говорят, он подонок».

«Ты подонок», – улыбаясь во все зубы, сказал Славка Максу на следующий день.

Поняв, откуда ветер дует, Макс ответил:

«Ох уж эти родители. Запомни, головастик: «Те, кто строят публичные дома, строят и школы».

Славка запомнил. Он понял это так: зло идет с добром рука об руку, и если ты личность, будешь делать и белое, и черное. Макс его научил многому, и он ему за все благодарен. У крутых ребят – у тех, кого нельзя безнаказанно зацепить на улице плечом – не принято распускать слюни. Именно поэтому они признаются в дружбе лишь в минуты пьяной откровенности. «Неплохо было бы затряхнуть в себя бутылочку коньяку, – думал Славка. – Надо, чтобы „хмурый“ отпустил, а то мотор не сдюжит».

Пребывая в лихорадочном оживлении, Макс молчал. Иногда реакцией человека на захлестнувшее его горе бывает глубокий сон. А обрушившееся счастье многих лишает дара речи. Максу хотелось смеяться, тараторить без умолку, но он, загипнотизированный зеленью сияющего лета, за полчаса не проронил ни слова.

Какая-то маленькая машинка вознамерилась обогнать их джип на узкой дороге, но Славка не пустил ее, и она, истерично сигналив, заявила о своем намерении вырваться вперед.

– Кури, – Славка оскалил зубы.

Машинка тем не менее сумела втиснуться между бордюром и джипом. Стекло водительской дверцы быстро опустилось и миру явилось худое, вытянутое лицо паренька лет двадцати, не больше.

– Тебе что, мудака, трудно пропустить?! – он скорчил недовольную гримасу.

– Провокатор, – глянув на него, заключил Славка. – По кумполу сам выпросит – и тут же заявление напишет. У нынешних сопляков принципов нет.

«Сопляк» продолжал корчить рожи и бубнить себе что-то под нос. Однако этому конфликту не суждено было перейти из холодной стадии в горячую. Увидев на дверце машины пашечки, Макс, обратившись к парню спокойным голосом, спросил:

– Таксист?

– А ты не видишь?! – сузив глаза, проорал хам.

Макс кивнул и полусшепотом произнес:

– Триппером болел?

Озадаченный этим вопросом, водитель такси, нахмурившись, мотнул головой.

– Так какой ты таксист, если триппером не болел! – Макс закричал так, что у Славки чуть не лопнули барабанные перепонки.

Поднимая клубы пыли, автомобиль с незнакомым с гонореей шофером полетел по шоссе. Дрожащий от смеха Славка, хлопнул друга по плечу:

– Ты все тот же раздолбай!

– И очень рад этому!

Радость всех оттенков радугами расцветала в душе Макса, трепещущей, поющей, ожидающей чего-то доброго, уютного, счастливого. Он молчал, наслаждаясь незатмеваемыми мгновениями свободы, и когда Славка притормозил у киоска с надписью «табак и пиво», он кивнул: иди, сходи за отравой, и сам выпрыгнул из машины – ему не сиделось. Взгляд скользнул по шиферной крыше домов, проводил удаляющуюся Славкину спину.

У ларька, в пропахшей перегаром и куревом тени, среди круженья опустошенных, лишенных черт лиц, мелькнуло одно, никак не подходящее к остальным, не сочетающееся с пейзажем – лицо яркое, даже слепящее, удивительно милое, покоряющее сразу и навсегда. Макс окаменел. Замер от неясного еще чувства, быстро разраставшегося в сердце. Лицо-солнце плыло прямо на него.

Она шла с гордым поворотом головы, не суетливо, но стремительно, шла вперед, не обращая внимания на маслянистые взгляды, грязь которых не могла к ней пристать. Все в ней, от изгиба бровей до колен, заворожило вросшего в асфальт Макса. Шаг, другой. Он увидел незамутненность глаз, лишь миг смотривших на него. Этого мига ему хватило, чтобы чуть слышно пробубнить:

– Во как.

Немного истории

Отца своего Макс ни разу не видел и ничего не знал о нем. Мать могла сообщить ему лишь имя того заезжего студента, с которым провела одну-единственную ночь. Тот студент спустя годы стал видным ученым, членом-корреспондентом Российской Академии Наук; он проводил исследования, выступал по телевизору, писал статьи, благополучно жил с детьми и супругой и знать не знал, что где-то далеко-далеко у него есть сын...

Максим не был желанным ребенком, и захлестнувшая его мать послеродовая депрессия растянулась на долгие годы. Очень часто эта женщина, чья прелесть слетела в считанные месяцы, словно осенняя листва, разглядывая делающего первые шаги ребенка, говаривала: «Эх, жаль, что у нас так тяжело сделать аборт». Договориться насчет аборта в то время действительно было нелегко. Она была сиротой и выросла в детдоме, а круг ее знакомых ограничивался парой развеселых, не думающих о завтрашнем дне подруг. Неравнодушная к алкоголю, она после рождения сына ударилась во все тяжкие.

Обшарпанные стены комнаты в коммуналке, где жил Максим с матерью, повидали немало мутноглазых мужчин, пускающих пьяные сопли и лежащих в вечно неубранную, пахнущую потом и блевотиной кровать. Один из таких мужланов остался надолго.

Всегда небритый, в штопанных-перештопанных штанах с пузырящимися коленями, в одной-единственной фланелевой рубашке с отвислым нагрудным карманом, где всегда лежала мягкая пачка «примы», дядя Петя ежедневно воспитывал пасынка, давая тому леща без всякого повода. Он являлся полным ничтожеством и, как и всякое ничтожество, дома был деспотом. Этот Повелитель Окурков, Властелин Пустых Бутылок и Синьор Потных Носков ненавидел Максима в десять раз больше своей непросыхающей подруги. Дни его сплошь состояли из шараханья по улицам, где он за умеренную плату помогал какой-нибудь переезжающей семье загрузить вещи в «газель», или колот дрова старухам в частном секторе. Иногда он разгружал вагоны на вокзале, а летом и в начале осени собирал в лесу грибы и ягоды, которые продавал на рынке. Приходя домой и выкладывая на стол с шаткими ножками хлеб, консервы и, конечно же, водку, дядя Петя требовал к себе внимания и уважения. Он всегда говорил, будто очень устал, и горе тому, в чьих словах ему не слышалось должного участия. Сожительница его постоянно ходила в синяках. Сын ее – тоже. Их семейные тайны не были тайнами для соседей, потому что каждый вечер ребенок плакал навзрыд, а взрослые орали друг на друга так, что звенели оконные стекла. Стекла были пыльными, грязными, невымытыми целую вечность. Но будь они даже чисты, как ангельская слеза, эти двое все равно не смогли разглядеть через них полный чудес мир – бутылка водки заслонила его безвозвратно.

С младенчества Максим питался только консервами. Он даже и не подозревал, что существует другая пища. Часто, очень часто, ему приходилось сидеть голодом, и тогда он скулил, как выброшенный на улицу щенок. В садик он не ходил. Как и в кино. Маленькие детские радости были для него недоступны. На велосипед, подаренный сверстнику родителями, он смотрел, как на космический корабль. Соседских мальчишек матери по выходным возили в клуб аттракционов, Максим же в это время раскачивался на скрипучих, изъеденных ржавчиной качелях во дворе. Сладости ему перепадали лишь от сердобольных людей, видящих в глазах мальчишки недетскую печаль. Зато тумачи доставались регулярно. К шести годам он постиг науку группироваться и смягчать удары матери и отчима. А еще, чтобы не попадать под горячую руку, он учился угадывать настроение своих истязателей.

В один теплый августовский вечер, явившись с улицы и скользнув взглядом по знакомым до боли лицам, Максим решил, что сегодня экзекуции не будет: мать и отчим были так пьяны, что даже меж собой не ругались. Все тихо, спокойно.

Старшие мирно разговаривают, сидя на кровати среди скомканных застиранных футболок и вывернутых наизнанку штанов. Макс включает старый черно-белый телевизор, по которому вот уже много лет сверху вниз пробегает темная полоса. Он сбавляет громкость и начинает смотреть фильм, где хитрый товарищ Саахов водит за нос чудака Шурика. На мальчишку никто не обращает внимания и он, доверяя своему инстинкту, успокаивается совершенно. Максим смеется над киногероями все громче и громче. Приступы его смеха не остаются незамеченными.

– Что по телику? – спрашивает отчим.

Голос его звучит дружелюбно и Максим, не почувствовав никакой угрозы, отвечает:

– Кавказская пленница.

На секунду дядя Петя задумывается (если, конечно, ему доступно такое) и роняет:

– Кино для детишек.

Помолчав еще немного и почесав в затылке, он вновь обращается к мальчишке:

– А нет ли чего-нибудь посерьезнее? Кино для сопляков, а ты пялишься в ящик и ржешь, как конь. Ты что, маленький?

Это звучит как ультиматум. Максим напрягается, подыскивая ответ, который смягчил бы отчима. Но ничего не найдя, отвечает:

– Да, маленький.

Он произносит это, не отрывая глаз от экрана: брошенный на дядю Петю взгляд мог быть истолкован пьяницей как вызов.

– Значит, ты маленький, – дядя Петя запускает пальцы в свои, похожие на воронье гнездо волосы, – вот оно что. Раньше в шесть лет уже воинами становились, понял? Ну-ка, посмотри на меня.

Максим поворачивает к нему голову, ощущая внутреннюю дрожь и жалея о своем слишком громком смехе.

– Раз ты маленький, соси титьку, – и дядя Петя распахивает халат на мальчишечьей матери.

Большая белая грудь вываливается наружу. Тяжело колыхнувшись и замерев, она тарашится на Максима розоватым глазом-соском. Паренек перестает дышать. Мать с отчимом частенько переходили при нем границы дозволенного, но на сей раз он смущен как никогда прежде.

– Ну, что, – начинает дядя Петя, не спуская с пасынка придирчивых глаз, – будешь сосать или мне показать тебе пример?

И он целует сожительницу в сосок, а та, запрокинув голову, смеется.

Красный, как тряпка матадора, Максим хочет убежать из комнаты, но поднявшийся на ноги отчим преграждает ему дорогу. Рука пьяницы, неверная, но достаточно сильная, чтобы совладать с ребенком, хватает мальчика за шиворот и тащит к кровати.

– Иди-ка сюда, отрок, – цедит сквозь гнилые зубы дядя Петя. – Титька ждет.

– Не-е-ет! – кричит Максим, чувствуя, что его принуждают сделать что-то запретное, нехоршее.

Его мать же продолжает пьяно и мерзко хохотать. Ее грудь белеет в полумраке убогой комнатушки.

Находясь уже на грани безумия, мальчишка отчаянно лягается. Ценой порванной футболки ему удается вырваться. Он, словно волчонок, вцепляется зубами в быстро приближающуюся к нему руку. Отчим взывает от боли и, вырвав свою конечность из зубов пасынка, пялится на нее водянистыми глазами.

Увидев пылающий на предплечье отпечаток, он грязно ругается и бьет ребенка кулаком. Так бьют со всей злости, так бьют в уличной драке, так бьют, когда хотят нанести противнику максимальный урон.

Максима отбрасывает назад. Он звонко шлепается затылком о стол, потом валится на пол и застывает без движения с раскинутыми в стороны руками. Словно распятый на грязном, усеянном крошками, окурками и тряпками полу, парнишка лежит с закрытыми глазами. Его мать поднимается с кровати и зловещим шепотом говорит:

– Ты что, сволочь, наделал? Ты же убил его.

Она бросается к сыну, прижимает ухо к его груди, надеясь услышать биение сердца, но ничего не слышит. Щупает пульс – тишина. Она выпрямляется во весь рост и тем же страшным шепотом вещает:

– Он умер.

Ее, так и не прикрытое халатом вымя, тяжело раскачивается из стороны в сторону.

Теперь уже дядя Петя кидается к телу мальчика, из-под головы которого расплзается лужа крови, в полумраке комнаты кажущаяся черной. Он трясет пасынка, уговаривает его подняться, обещает больше не наказывать. Но все тщетно, Максим безнадежно нем.

Пьяницы в ужасе переглядываются. В их испуганных, блестящих в темноте глазах безошибочно читается вопрос «что делать?»

– Может, вызвать «скорую»? – спрашивает женщина, наперед зная, что ответом будет «нет» и только «нет».

– С ума сошла, – шипит ее сожитель. – Меня же посадят. Без мужика хочешь, курва, остаться? Надо унести его и закопать.

Быстро протрезвевший, он, будто Холмс недогадливому Ватсону принимается объяснять своей бабе, чем хорош его план:

– Тебя могут подтянуть как соучастницу, дура. Да я сам скажу ментам, что это ты его ухайдакала. Разве ты его не била? Била постоянно – соседи подтвердят. А искать его никто не станет. Кому он нужен? Единственная родственница у него – это ты. Да его никто и не хватится. Особо любопытным можно сказать, что, мол, ушел сынишка и не вернулся. Таких случаев море. Усекла?

Мать Максима молчит. Дядя Петя, который никогда не был образцом терпения, дает ей затрещину. Она, как и всегда в таких случаях, собирается крикнуть, но не делает этого.

Тело заворачивают в одеяло и, дождавшись, когда уснут соседи, выносят из дому. Неподалеку находится пустырь. Пьяницы тащат свою страшную ношу туда. По дороге им не попадает ни одна живая душа, и дядя Петя, посчитав это добрым знаком, говорит, что все будет хорошо.

– Лопату не взяли, – оказавшись на месте, соображает он. – Я сбегаю.

Но мать Максима не желает оставаться ночью наедине с мертвецом, и бежать приходится ей. Как только она возвращается, дядя Петя, не теряя времени даром, тотчас принимается за дело. Обливаясь потом, вдыхая ночную свежесть и выдыхая перегар, он копает неглубокую могилу. Его губы шевелятся, шепча проклятия, а руки с каждой новой порцией отброшенной в сторону земли трясутся все сильнее. Мать Максима, сидящая на влажном трухлявом пеньке, вдруг начинает причитать и плакать. Злобный взгляд дяди Пети мгновенно устремляется к ней.

– Заткнись, крыса. Лучше бы помогла, а то я уже измудохался весь. Надо вырыть поглубже, чтобы собаки не разрыли.

Дав себе небольшую передышку, он вновь начинает копать. Лопата вгрызается в черную землю, а спешащий управиться до зари пьяница с остервенением вонзает ее лезвие. Раз! Еще! Глубже, глубже! Давай! Измотанный, напрягший оставшиеся силы дядя Петя втыкает свой инструмент и...

И слышит громкий, звенящий в ушах звук – металл натолкнулся на металл. Всхлипывающая женщина тут же умолкает. Дядя Петя отвлекается от работы и всматривается ей в лицо.

– Это что за хрень? – бубнит он, и еще раз бьет лопатой в то же место.

Звонкое «дзинь», и через мгновение – душераздирающий визг матери ребенка, от которого вздрагивает сама тьма.

– Ты чего? – шепчет дядя Петя, выпуская из руки черенок и испуганно пятась.

– Он пошевелился, – женщина указывает на бледную, торчащую из-под одеяла руку, еще недавно покоившуюся вдоль тела, а теперь согнутую в локте. – Я видела. *Он жив!*

Одеяло, которому надлежало стать саваном, летит в сторону. Тело распеленато. Пьянчужки видят, как дрожат веки Максима. Сомнений не остается: он жив. И в подтверждение этого его глаза медленно открываются. Он делает глубокий вдох и хриплым голосом произносит:

– Мы где?

Мать простирает к нему руки, бубня что-то невнятное. А отчим, чье лицо до неузнаваемости преобразила неожиданная радость, хочет выпалить: «Мы на кладбище», но осекается.

Призрачно-бледный Максим садится, держась за голову, и спрашивает, что случилось. Ему врут: говорят, будто он упал, потерял сознание, и его вынесли на улицу. Для уточнения деталей и уличения старших во лжи он слишком слаб и слишком мал. Его поднимают на ноги и уже ведут домой, когда мать, крикнув: «Я быстро», направляется к яме, так и не ставшей могилой. Она откидывает в сторону лопату и принимается копать в сырой земле. Ее дрожащие пальцы вскоре натываются на какой-то металлический предмет. Осторожно, точно боясь разбить нечто хрупкое, она извлекает его, стряхивает черные комья и ахает, ибо на нее глядит доброе, как у Деда Мороза, лицо Николая Чудотворца.

Это была икона. Маленькая серебряная, изображающая святого со всепонимающими, всепрощающими глазами.

Звук, пробудивший мальчишку и спасший ему, безнадежно обреченному, жизнь, породила икона. Был ли в том промысел божий? Несомненно, ибо в мире подлунном ничего не происходит случайно. Часто Бог спасает нас, не обращая внимания на то, что мы в Него не верим.

Да, Господь достал парня из могилы, но не вызволил из склепа нищеты, пьянства и враждебности. К четырнадцати годам у Макса уже был недоверчивый взгляд и глумливая ухмылочка Мефистофеля. Наделенный жизненной мудростью человек, заглянувший в его глаза, увидел бы там бессонные, наполненные ожиданием истязаний ночи, украденные в магазине конфеты, бесконечно долгие вечера, когда единственное спасение от голода – сон, внимательные, недружелюбные взоры родителей одноклассников, первую победу над отчимом в кухонном бою, оханье участкового по поводу неблагополучной семьи и жалость соседей.

С течением лет в Максе медленно пробуждалась заложенная в нем гордость. В четырнадцать, чувствуя себя мужчиной, он отвергал помощь сердобольных людей, предлагающих ему тарелку супа и пироги с капустой. Он хотел есть, очень хотел, но не мог вынести этих слезливых, полных понимания и сочувствия взглядов. Однажды мать одного из его сверстников, видя, в каком плачевном состоянии находятся кеды Максима (в которых он ходил даже зимой), принесла «бедному мальчику» аккуратные, почти новые ботинки. Макс, густо краснея, сказал, что ничего не возьмет. Женщина утверждала, что это вовсе не подачка, что все делается от чистого сердца, но Максим был непреклонен: нет, нет и нет. Он не желал быть попрошайкой, и в то же время страстно жаждал идти вровень с одноклассниками – одеваться, ходить в видеосалоны, покупать в баре мороженое и коктейли. Но любое наше самое жгучее хотение убивается мыслью: как этого добиться? Стережущий заветные клады сфинкс не дремлет. Он без усталости задает нам каверзные вопросы, и когда мы начинаем сомневаться и теряться, обращает внимание на суровую действительность, сдерживает с нас розовые очки и лишает желания... Но не всех.

Макс начал воплощать свои грезы в жизнь; в этом ему помогло воровство. Бандит – слово мрачное, как мерзлая, полутемная камера в тюрьме, и вместе с тем интригующее, вызывающее живой интерес у тех, кому по сердцу личности, бросающие вызов всему устоявшемуся, кто

имеет каплю бунтарской крови, но не находит сил, чтобы затеять мятеж. Что делает из человека преступника? Жадность, возможность украсть, безнаказанность прошлых злодеяний, нежелание работать, как и отсутствие этой работы, среда обитания, голодный желудок, наконец. Робин Гуд оставил после себя славу, а Генри Морган умер богачом; их лавры многим не дают покоя. Желание человека из низов *жить хорошо* – веская причина начать воровать. Макс хотел так жить.

Он крал продукты из магазина, угонял велосипеды, прихватывал оставленные без присмотра меховые шапки и шустрил по карманам напившихся мужиков. Добытые таким образом деньги делали его независимым, а независимость почти всегда рождает гордость. Да, он был горд тем, что сам покупает себе вещи, а не обрягается в обноски. Его больше не подкармливали посторонние люди, сочувственные взгляды которых рвали ему душу. Он мечтал вырваться из окружающего его убожества, и каждый обретенный им рубль давал ему возможность ощутить себя победителем. Зная о пьянстве все, он решил до него не опускаться.

Мать с отчимом продолжали пить, и однажды, когда Максиму только-только стукнуло четырнадцать, в соседнем доме вспыхнул пожар, унесший жизни трех забулдыг. Среди них был и дядя Петя. Упавший на тряпье окурочил спящих алкоголиков и доставил массу неудобств жильцам дома, которых пожарные с вещами выгоняли на улицу.

Мать Максима умерла за месяц до совершеннолетия сына. Лежа на смертном одре, она просила у Макса прощения. Она поведала ему, как когда-то его, живого, чуть не закопали в безымянной могиле. Напрягая последние силы, она достала спрятанную в кровати икону.

– Держи, – ее голос слабел с каждым произнесенным словом. – Это она спасла тебе жизнь. Лопата стукнула по ней. Он (имелся в виду дядя Петя) ничего не знал о ней, иначе давно бы продал. Я не пропила ее. Сохранила. Бери.

Макс принял икону из бледных коченеющих рук и заплакал.

Он остался один. Вся рухлядь, включая черно-белый телевизор и стол с отпечатавшимися кругами от стаканов, вылетела на свалку. Пожелтевшие, утратившие рисунок обои сменили новые. В пустой, преобразившейся комнате появился диван.

Макс по-прежнему воровал, тешась обманчивой надеждой никогда не попасться. Но Судьба никому не делает подарков, она лишь дает займы. За все нужно платить, и счет обычно предъявляется, когда его совсем не ждешь.

Ослепленный копеечными успехами, беззаветно верящий в свою счастливую звезду, Макс совершил кражу на центральной улице. Подтянув кошелек из сумочки зазевавшейся бабенки, он растворился в толпе, но не исчез без следа. В ту пору видеокамер было раз-два и обчелся. Одна из них стояла на здании городской администрации, подле которой и совершалась кража. Она-то и зафиксировала бойкого паренька, равнодушного к чужой собственности. Возможно, нерасторопность работников милиции, неуклюжесть всего аппарата и на сей раз сделали бы свое дело, но в час, когда менты просматривали пленку, к ним заскочил участковый района, где жил Максим Немов. Он посмотрел на экран, и на его лице появилась улыбка, какой улыбается тот, кто созерцает падение заклятого врага в утыканную кольями яму.

И вот Макс уже видит нескольких ребят в штатском из окна своей комнаты. Это немое шествие возглавляет участковый, миллион раз усмирявший дядю Петю и столько же раз призывавший мать Максима взяться за ум. Все, тупик, говорит себе Макс, трамвай пришел в депо. Послушный голосу разума, он кидается к двери. На миг замирает. Хватает икону, с которой всепонимающим взглядом его провожает святой Николай, и вылетает на лестничную площадку. Чердак, выход из другого подъезда, стремительный бег. Все естество Макса кричит: «Не поймали!» Ха-ха-ха.

С неистово бьющимся сердцем он долго бродит по темным, дремотным дворам, вздрагивая при каждом движении теней, прислушиваясь к каждому шороху. Радость от победы все

еще тлеет в душе, но призраки тревоги уже маячат впереди. Да, он не попался, получил передышку, однако охота продолжается, псы правосудия не оставят его в покое.

Куда идти? Вырвавшиеся из милицейской засады часто задаются этим вопросом. Такие люди лихорадочно перебирают в голове надежных, задающих не слишком много вопросов знакомых, дальних родственников и тех, кто им чем-либо обязан; они отменяют квартиры друзей, страшась, что туда может нагрянуть милиция, и чувствуют себя неуютно при мысли о гостинице. Прежде чем подумать, как выходить из щекотливого положения, нужно спрятаться, забиться в безопасный угол.

Максим не знает, где найти такой угол. У него нет родственников (ни дальних, ни близких), нет и знакомых, кому бы он доверился.

Макс бредет по быстро пустеющим улицам, со страхом наблюдая, как тьма захватывает город. Еще немного – и сумерки сгустятся до черноты, в которой только одиночество, ветер да вой милицейских сирен. Бездна хватает за горло, терзая душу и нашептывая: «Вот и все. Тебе некуда деваться. Иди, сдайся».

Сам не зная, почему, он заскакивает в какой-то автобус, где видит кондуктора и одного-единственного, не отрывающего глаз от окна, пассажира. Мелькают дома, уносятся прочь фонари, машины, люди и огни. Каменную серость города сменяет прятная тишина лугов – автобус уже за городом. Он подпрыгивает на ухабах, проваливается в ямы, гремит расхлябанными дверьми и едет, едет, едет. Наконец он останавливается, и кондуктор объявляет о конце пути.

Макс выходит, оглядывается по сторонам. Низенькие домишки, пыльная деревенская дорога, дрожащий на ветру фонарь и спокойствие уголка, куда не долетают жизненные ураганы.

– Что это за место? – спрашивает Макс у крепкого пожилого мужчины, сошедшего с автобуса вслед за ним.

– А ты что, не знал, куда ехал? – отвечает тот вопросом на вопрос.

– Не-а, мне было все равно.

Их взгляды встречаются. Молодость смотрит на Старость с вызовом, в котором непокорность, бунтарский дух и готовность встретить в штыки любое замечание, любой ответ. Старость же, пережившая все и повидавшая всякое, взирает на Молодость так, как во все времена Мудрость взирала на Пыл.

– Все равно? – брови старика ползут вверх.

– Просто мне некуда идти, – выдыхает Макс, не желая вызвать сочувствия и прилагающихся к нему пустых вопросов. А потому он придает голосу как можно больше равнодушия.

Но в словах звучит горечь. Старик сразу улавливает ее.

– Что там у тебя? – толстым пальцем-морковкой он указывает на находящийся в руке парня предмет.

– Какая вам разница? – огрызается Макс.

Однако, услышав доброжелательное и вместе с тем твердое «давай без грубостей», предьявляет старику икону. Тот смотрит на нее и после недолгой паузы спрашивает:

– Веришь в Бога?

– Не знаю. Просто... просто...

– Что – просто?

– Просто я его не понимаю.

– Ха, – усмехается старик. – Если бы Бога можно было всегда понять, разве это был бы Бог.

– Я вообще плохо себе представляю, кто такой Бог.

– Понимаешь, парень, Бог – это, скорее всего, не кто, а *что*. Для кого-то он – вера, для кого-то – любовь, а для меня, и, судя по всему, для тебя, Бог – это надежда. Так-то. Кстати, какую глупость ты совершил?

– Почему – глупость? – с интересом глядя на собеседника, спрашивает Макс.

– Ты еще пацан совсем, а из дому убежал. Причем без вещей. Обычно за побегом пацана из родных пенатов стоит всякая чушь: резкое родительское слово, неожиданный порыв, желание заявить о себе, как о личности, с которой пора считаться – в общем, дребедень несусветная. Но у тебя – другое дело.

– Почему вы так думаете?

– Вижу. Что ты натворил?

Потускневшие глаза старика требуют правды. Макс не смеет обмануть их.

Новый вопрос:

– И часто ты, парень, ворует?

Ответ – кивок.

– Ясно, – задумчиво произносит старик. – Деньги дают тебе и хлеб, и удовольствия, и свободу. Но в действительности, вор – всегда раб свободы. – Он машет рукой. – Позже поймешь. Сегодня тебя не арестовали, ты улизнул, и правильно сделал. В тюрьме и без тебя хватает тех, кто повинен в бедности и подозревается в желании жить лучше. Пойдем.

– Куда? – отказываясь верить в свое счастье, интересуется Макс.

– Ко мне, – рокочет старик голосом, раскатистым, словно майский гром.

Жизнь вдали от жизни

Ивана Андреича (так звали старика) было трудно обмануть. Он различал ржавчину под позолотой и угадывал жемчужный блеск среди грязи и пыли. В глазах паренька за дымкой дерзкой уверенности в себе и недетской озлобленности он увидел ужаснувшую его смесь печали, отчаяния и желаний быть кому-нибудь нужным, быть любимым.

Будучи одиноким, Иван Андреич тоже желал, чтобы его имя жило в чьем-нибудь сердце. Но кем он был, этот крепкий, громкоголосый старик?

Это был далекий от романтики жизнелюб с трезвой головой. Не лентяй, не созерцатель чужого труда, но человек, не боявшийся работы и делавший все на совесть. Он всему знал цену, но не принадлежал к числу тех, кто, поплевав на пальцы, считает деньги. В нем не было осторожного, присущего хитрым трусам расчета, который заставил бы его сидеть сложа руки в то время, когда ближнего догнала и прикусила беда. Человек старой закалки, он безропотно переносил тяготы жизни, неудачи, неустроенность и все, к чему применима приставка «не». Подобные ему знают цену словам, не болтают попусту, не лезут в душу с пьяной слезой; они сдержанны, тактичны и потому не сплетничают, не выкладывают жареные факты, захлебываясь при этом от возбуждения. Они честны, обстоятельны, надежны; от них веет спокойствием и уверенностью; их не сломали жизненные бури и не изменяют превратности судьбы. Они не прячут нож за спиной, и им можно довериться.

Макс сразу поверил старику, хотя до этого с подозрением относился к незнакомцам. Между ним и представителями старшего поколения всегда лежала пропасть. Но с первых же минут знакомства с Иваном Андреичем через эту пропасть перекинулся мост. Настороженность и скованность исчезли, возрастные границы стерлись. Через час после того, как Макс спрыгнул с автобуса, он уже называл старика дядей Ваней. Ему так не хватало мудрых слов, настоящей, без сюсюканья, доброты и отцовского взгляда. Он обрел все это разом, выйдя в поздний час на далекой остановке.

С того вечера все для него потекло тихо и размеренно. Он вел деревенский образ жизни: рано вставал, колот дрова, носил воду из колодца, кормил роющихся в пыли кур, топил баню, наблюдал, как резвятся на скошенных лугах жеребята, как катит волны темная задумчивая река, слушал зеленый шелест листвы, вдыхал медовый аромат полей и часами глядел в пронзительно-синее, манящее своею бесконечной красотой небо.

От старика он не скрывал ничего, делился с ним сокровенным. В часы откровений Макс рассказывал ему о чем мечтал, какие сны видел и что в девчонках любил. Он сетовал на невнимание к нему слабого пола; объяснял это собственной худобой и прыщами на лице.

– Ну-ну, – улыбаясь, говорил ему Иван Андреич, – ты, в самом деле, думаешь, будто мужчин любят из-за их внешности? Мужчин любят за то, что *они мужчины*. Запомни, настоящего мужчину должно быть видно всегда, а не только тогда, когда он голый.

Макс запомнил это. Как и многое другое. Уроки старика и спустя годы не сотрутся из его памяти. Позже Макс Немов не раз убедится в мудрости Ивана Андреича.

– Тренируй мозг, – любил говаривать старик. – С возрастом поймешь, что это единственный орган, который тебя не подводит. Ты совершишь еще кучу ошибок, и это нормально, ведь научиться чему-то можно только на собственном опыте. Главное, чтобы пора ошибок припала на молодость. Чтобы было время все исправить.

Много позднее, сидя в тюрьме и кляня себя за сделанную глупость, Макс снова и снова вспоминал дядю Ваню, когда-то сказавшего ему, что творить глупости без стыда можно только в юности. Максим часто руководствовался наставлениями старика, и в мире, где столько одиночества и разочарований, уроки дяди Вани помогали ему выстоять, не упасть в грязь лицом, остаться человеком, личностью.

– Не жалея себя, – говорил старик. – Никогда. Жалость к себе лишает воли, очерняет тебя в глазах других.

Внимая словам учителя, ученик гнал прочь думы о несправедливости жизни, о лучшей участи и обо всем, что рождает слюнявую, ведущую к отчаянию и падениям жалость.

Незримый и неосязаемый, старик будет находиться рядом с Максимом и во время бессонных, изматывающих нервы ночей, и в минуты принятия серьезных решений, когда на карту ставится все, и в часы подведения итогов. Сотни раз Максим, не находя ответа на сложный вопрос, будет мысленно представлять, как бы решил эту дилемму дядя Ваня.

Все это будет позднее, в обновленном, равнодушном, бессовестном мире, а пока девятые только стучались в двери, пока еще не всё успели продать и не всё успели купить. Лихая удаля нового десятилетия лишь пробуждалась в юнцах, смеющихся над идеалами своих отцов. Наивность по-прежнему была в глазах людей, далеких от призрачных миллионов и холодного расчета.

Страна прощалась с коммунистическим прошлым. Максим Немов прощался с детством. Деревенскую жизнь, тишину, покой, близость надежного человека – все это он воспринимал как некую компенсацию за годы невзгод и лишений. Ему было хорошо в глуши; бесконечное спокойствие лилось в его жаждущее мира и отдыха сердце. Теперь он по доброй воле помогал и с чувством благодарности принимал заботы. Каждый день жизнь дарила ему маленькие радости, такие приятные и такие необходимые. Словно грешник, уставший от мирской суеты и вдруг очутившийся в осеннем благодатье ските, Макс растворился в этом русском раздолье, хрустальном воздухе и свободе.

Так шли дни, месяцы. Осень сменяла лето, а вслед за осенью приходила белая, дышащая снежным безмолвием, зима. Они жили вдвоем: старик, которому общение с юношей освежало душу, и юноша, почитавший старика как отца.

В какой же момент Макс понял, что дарованные ему каникулы кончились? Молодости, горячей и жаждущей жизни, не усидеть в медвежьем углу; ее зовут в путь огни суетных и дымных городов; ее манит золотое руно свершений и побед. Покой – для людей с выцветшими глазами и шаркающей походкой. Юности он не подходит. Дядя Ваня знал это, и когда Максим сообщил ему о своем желании уехать, он выдохнул со словами:

– Да. Время пришло.

Он проводил парня. В момент прощания голос его не дрогнул, и ни одна слезинка не скатилась по морщинистой щеке. Он никогда не терял самообладания и всегда оставался мужчиной.

Дитя любви

Двух этих людей неудержимо влекло друг к другу с того самого дня, когда их взгляды впервые встретились в гулком прохладном коридоре университета.

Стоял хмурый октябрь с серыми дождями и ледяными туманами. Теплые, полные беззаботного летнего веселья деньки стали прошлым, и миром, казалось, правила Великая Тоска. Но высокому, нескладному парню и маленькой, улыбочивой девчонке со слегка вздернутым носиком некогда было унывать. Они любили друг друга, и все вокруг знали об этом.

Прошла зима, и в город ворвалась сводящая с ума, пьянящая, как молодое вино, малиновая весна. Вспыхнувший в небе голубой пожар – тот, что ослепляет влюбленных и лишает разума мудрецов – раскрыл, наконец, юноше уста, произнесшие: «Выходи за меня замуж».

Невеста в подвенечной фате, тонкой, будто сотканной из лунных лучей и утреннего тумана, была прекрасна. Жених был красив. Молодые смущенно улыбались каждый раз, когда приглашенные, желая увидеть долгий и страстный поцелуй, пьяно кричали: «Горько!». Но поцелуй при свидетелях – это всегда фальшь; он похож на искусственную розу и от него веет стыдливостью и принуждением.

Новобрачные не теряли времени даром: они добросовестно учились, набирались жизненного опыта, не торопясь, однако, с рождением ребенка. И если мнения их иногда расходились, в одном они были солидарны: младенец должен появиться у людей, твердо стоящих на ногах. Нам предстоит многое дать нашему сыну или дочери, думали супруги, именно поэтому с зачатием следует повременить; нужно укрепить материально и получить положение в обществе.

Кто-то усмотрит в подобных рассуждениях прагматизм, но разве он плох в данном случае? Почему бы не начать заботиться о малыше еще до того, как он появится на свет? Нежеланные дети несчастны с самых первых дней жизни; они растут без ласки и напоминают крапиву, обжигающую всякого, кто ее затронет. Что касается семей, где во главу угла ставится планирование, где будущему еще не родившегося дитя уделяется максимум внимания, очень часто появляется только один ребенок.

День, когда родилась Танечка, стал в счастливой жизни ее родителей *самым* счастливым днем.

С ранних лет она слышала добрые слова, смотрела добрые фильмы и слушала добрые сказки. Ей, со всех сторон окруженной нежностью, до поры до времени казалось, будто в нашем мире вообще не существует грубости. Однажды в шестилетнем возрасте, изобразив на своем личике озабоченность, она тихо спросила:

– Мам, а почему вы с папой никогда не ссоритесь, а родители Машки Румянцевой ругаются каждый день?

– Потому, что мы с твоим папой не только любим, но и уважаем друг друга, – улыбнувшись, ответила мама.

Танечка росла в мире, где злу, коварству и подлости не было места, где ни разу не пропускали показ фильма «Москва слезам не верит» и где по вечерам в субботу мама пекла торты. И какие торты! Таких не приготовил бы и повар самого султана, понимающего толк во вкусовых и привыкшего казнить нерадивых кулинаров. Танечка жила в другом измерении, и ей не хотелось покидать созданного ею же самой удивительного, хрустального мира.

Эх, как же здорово – просыпаться в воскресное утро и, нежась в постели, рассматривать пронизанную солнечным светом ладонь! А потом нестись с родителями в машине по пыльной, желтой, как шкура пумы, дороге, нестись к неизведанным, а потому таким таинственным и манящим местам! И слева и справа поля, накрытые зеленой скатертью трав, сливаются вдаль с небесной лазурью, и хочется жить, и нельзя надышаться этим пьяным воздухом диких лугов! А рядом улыбающееся лицо мамы и лицо отца, который почему-то хочет казаться серьезным

и строгим, но его с головой выдают глаза – в них то и дело оживают веселые огонечки, а тонкие губы делового человека дрожат, собираясь расплыться в улыбке. И если в бездонной выси вдруг поплывут облака, грянет гром, вспыхнет голубое пламя молний – в душе не проснется, не заскребется тревога, потому что жизнь прекрасна и впереди только свет и только счастье.

Но в жизни должно быть место печали, иначе, это не жизнь, а существование слабоумного. Учась в первом классе и возвращаясь однажды из школы домой, Танечка увидела котенка, который, попав в какую-то передрагу, сломал себе позвоночник. Он, громко, жалобно мяукая, полз к остолбеневшей Тане, и задние его лапы беспомощно волочились по темному после дождя асфальту. В его глазах было столько боли, муки и вместе с тем надежды, что Танечка, испуганная и немая, опустилась перед ним на колени – как будто прося прощения за то, что не знает, как ему помочь. Она дрожащей рукой осторожно коснулась мягкой, словно пух, шерстки несчастного животного и тотчас отдернула руку, потому что котенок закричал от боли. Не разбирая дороги, Таня помчалась домой и, отперев дверь, очутилась в теплых материнских объятиях. Сквозь слезы она рассказала маме об увиденном.

– Это ужасно, – шепотом произнесла мама. – Но вокруг столько страданий, и мы не можем помочь всем. Понимаешь, доченька?

Котенок со сломанной спиной потряс Танечку до глубины души. В тот день действительность впервые явила ей свой жестокий лик. Теперь ее сердце было открыто для сострадания.

Шли годы. Дитя превратилось в улыбчивую, с мечтательным взором девушку, которая иногда становилась задумчивой и молчаливой. В семнадцатилетнем возрасте, когда многие девчонки уже захлебываются жизнью, меняя парней, как перчатки, Таня ни с кем не встречалась. Нет, ей, конечно же, назначали свидания, и она приходила на них, но дальше выпитого в баре дело заходило редко. В восемнадцать-девятнадцать лет мальчишки хотят всего и сразу; девичья скромность ими не приветствуется. Да и самой Тане не удавалось повстречать парня, с которым ей было бы интересно проводить время.

Между тем Танины родители, всецело доверяя дочери, не ограничивали ее ни в чем.

– Ты умная девочка, – говорила ей мать, – и знаешь, что хорошо, а что плохо. Мы с папой не хотим отравить тебе жизнь дурацкими запретами.

А отец любил вставить, что «лучший воспитатель тебе – это ты сам».

Таня жила яркой, полной впечатлений жизнью: по вечерам ходила в кино и театры, зимние каникулы проводила на островах, где накатывающая на золотистый берег синь, вселяет покой. Летние месяцы она проводила с родителями на даче. Ей нравился этот милый уголок, расположенный вдали от шума и гама, затерянный среди стройных, плачущих смолой сосен, и неподвижных печальных озер, над которыми по утрам висит белый, как подвенечная фата, туман.

Такие места природа создала для людей, склонных к раздумьям и грезам. Здесь, в этой тиши, утонченным натурам чудятся феи и слышатся приглушенные голоса зеленых человечков, живущих в непроходимой чаще. В голову приходит что-то радостное, глаза вспыхивают счастливым огнем... и тут же вдруг становится грустно, тени из прошлого окружают со всех сторон и невольная слеза уже катится по щеке и срывается наземь...

Таня любила побродить меж сосен, высоченных и величественных, как Кельнский собор, в котором она побывала в день своего пятнадцатилетия. Ей нравилось в одиночестве сидеть на громадном, плоском камне, положенным, должно быть, каким-то древним великаном на берегу озера, у самой воды. В эти минуты она походила на Аленушку, терпеливо ожидающую чуда, или на Русалочку, посредством колдовства избавившуюся от хвоста, и застывшую теперь в нерешительности перед встречей с любимым принцем.

Правда, любимого принца у Тани не было. Но она, как и всякое жаждущее любви создание, мечтала о нем. Ей грезился спортивного телосложения парень, уже имеющий небольшой жизненный опыт, непременно интеллеktуал, но интеллеktуал обязательно нескудный, облада-

ющий чувством юмора, способный стать душой хорошей компании. «Принцу» также надлежало иметь доброе сердце и хорошие манеры. А его родители? Ну, родителям принца, естественно, полагалось быть королями.

Истосковавшиеся по любви девицы всегда готовы сделать отчаянный шаг. Они боятся пропустить свое счастье и частенько бросаются в объятия тех мужчин, что оказались поблизости. Таня же, хоть ей и исполнилось двадцать, не рвалась форсировать события. Она, если так можно выразиться, смиренно дожидалась своего часа.

– Послушай, Танюша, – сказала как-то отвлекшаяся от вязания мама, – может, зря ты столько времени проводишь с нами на даче? Шансы на знакомство с хорошим молодым человеком здесь крайне малы.

– Хорошего молодого человека, как я успела понять, нелегко встретить и в самом людном месте, – улыбнулась Таня.

– Это точно, – подхватила мама. – Нынче никто не дает балы. Мы скучаем по временам Андрея Болконского и Наташи Ростовой.

Они обе рассмеялись.

Человек, способный на великую любовь, вначале должен беззаветно любить своих родителей. Таня любила мать и отца, жизнь которых появление дочери наполнило священным смыслом.

– Мы дадим ей самое лучшее, – клятвенно пообещал отец, когда Танечка еще лежала в пеленках.

Он оставался верен своему слову.

Таня одевалась в дорогие, хорошо подобранные вещи, всегда имела карманные деньги и два раза в год отправлялась на отдых за границу. Ее альбомы пухли от фотографий, где она улыбалась в веселой компании разноцветных драконов, или махала рукой, плывя в гондоле по венецианским улицам, или с хмельным огоньком в глазах резвилась на карнавале в Рио. В университете, где она училась на историческом факультете, ее называли «лягушкой-путешественницей». Однокурсницы смотрели ей вслед с плохо скрываемой завистью и, едва не скрежеща зубами, говорили: «Везет же кому-то с предками». А однокурсники, когда речь заходила о Тане, неизменно повторяли: «Вроде ничего телка, только... В общем, с ней устаешь быть умным. Короче, с такой каши не сварить».

Избалованность рождает капризы. Но избалованные дети вырастают лишь в семьях, где чересчур чуткие родители лишают своих чад инициативы, вознося их до божественной высоты. А боги редко дружат со смертными, и отсутствие понимания почти всегда ведет к расколу. Стать другом собственному дитя – величайшая из побед.

Танины родители не без оснований чувствовали себя победителями. Им удалось завязать с дочерью *дружбу*, а, следовательно, обезопасить себя от неприятных сюрпризов, которые «ангелоподобные» детишки так любят преподносить своим старикам...

Теплым июньским вечером, в просторной комнате, где хозяевами предусмотрен минимум мебели, в небольшом, уютном кресле сидит уже немолодая, но все еще привлекательная женщина, с тонкими чертами лица. На коленях ее лежит какое-то на время забытое рукоделие. Это мать Тани.

Отца еще нет, он будет позже – его срочно вызвали на работу. Сама Таня вбегает в прихожую, оставляя за запертой дверью сгущающиеся сумерки с их причудливыми тенями и комариным звоном.

– Нагулялась? – спрашивает мать. В голосе – ни намек на суровость.

– Угу.

– Ты так подолгу ходишь в лесу, что наверняка уже начала понимать, о чем щебечут птицы.

Таня улыбается и пожимает плечами. Мать изображает на лице озабоченность и говорит:

– Значит, скоро ты станешь святой.

– Почему это? – удивляется дочь.

– Потому что начнешь, как Орлеанская Дева, слышать голоса.

– Ну, тогда, чтобы стать святой, мне нужно еще посражаться, отсидеть в тюрьме и сгореть на костре. Из меня плохая амазонка, в тюрьме, думая о вас, я буду плакать каждый день, а покажи мне костер – умру от разрыва сердца. Так что нимб – не для меня. Чтобы сделаться святой, надо столько выстрадать. И какова награда? Попадешь на небо, и там Бог тебе скажет: «Оставайся праведницей, не греши и в раю. В общем, люди в тебя поверили, держи марку, и все в таком духе. Здесь не греши, там не греши. Скука смертная! И, вообще, не понимаю, что такое грех. Видимо, это какое-то общее слово, под которым кроются всякие плохие поступки.

– Тань, ты в своей жизни сделала много плохих поступков?

– Думаю, нет. Я никого не обокрала и не убила. Да, я частенько вру, но ведь все врут. Да и как же мне не врать – ведь ты сама говоришь, что я фантазерка.

– Как думаешь, что по-настоящему плохо?

Таня берет паузу. Взгляд ее устремляется в пространство. Она молчит с полминуты, не меньше, затем дар речи возвращается к ней.

– Мне кажется, мам, самое страшное – это предательство. Представляешь, ты поверила человеку, строишь какие-то планы, думаешь о нем только хорошо – и р-раз! – все летит к черту, рушится, белое оказывается черным, нежное – скользким и противным.

– Откуда ты знаешь? Разве тебя предавали?

Таня мотает головой.

– Предать могут только настоящие друзья, а у меня нет настоящих друзей. – На этой грустной ноте она умолкает, но лишь на секунду. – Пока нет.

– Знаешь, Таня, жизнь учит меня, что женской дружбы не бывает. Выходит, другом женщины может стать только мужчина. Мой лучший друг – это твой отец. Говорят, будто дети повторяют судьбы своих родителей. Мне очень хочется, чтобы это было именно так.

Таня подходит к окну и вглядывается в беззвездную тьму. Прилетевший из глубин этой черноты ветер касается лица девушки своей влажной от начинающегося дождя рукой.

– Вы всегда с папой были вместе, – задумчиво произносит она. – Никаких расставаний, тихие семейные вечера, запланированный отдых...

– Это плохо?

– Нет, хорошо. А как тебе такой вариант: разлуки, ночи, проведенные у окна, ожидание какой-то беды...

– Стоп, девочка моя, разве это счастье?

– Но если ты любишь его, а он – тебя...

Мать качает головой.

– Счастье – это когда вспоминаешь прошлое, и тебе *хорошо* вспоминается. А что же хорошего в бессонных ночах и в чувстве страха?

– Значит, счастье – это спокойный быт, – вздыхает Таня.

Мать широко улыбается, обнажая ровные белые зубы. Эта улыбка премудрой старицы, которую хочет поставить в тупик какая-нибудь недалекая, вооруженная одной лишь деревенской хитрецей крестьянка.

– Ох, Таня, Таня. Вы, молодые всегда любите рубить с плеча: если не белое – значит, черное. Я просто хочу до тебя донести, что без мира в доме и без спокойствия в душе ты никогда не будешь чувствовать себя счастливой.

– Да, – соглашается Таня, хлопает в ладоши и смеется, – скажем «да» покою и стабильности, скажем «нет» глупым приключениям.

– Верно, – подхватывает мать. – Приключения только в кино и книгах кончаются хорошо, в жизни они приводят к преждевременному старению и бесконечным упрекам в свой адрес.

– Подвожу итог! – голос Тани звучит наигранно-торжественно. – Вернее, даю клятву. Обещаю, что влюблюсь в уравновешенного молодого человека без вредных привычек, который так же далек от авантюр, как слон от балета.

– Аминь, – кивает головой смеющаяся мать.

И в это время стук двери возвещает о приходе отца.

Громогласный, со сдвинутыми кустистыми бровями, он, оказавшись в кругу семьи, расстается со статусом руководителя не сразу, а постепенно. Чтобы превратиться из холодного, мыслящего логически бизнесмена в любящего мужа и отца ему требуется время.

– Как на улице? – спрашивает мать, откладывая вязанье и подымаясь на ноги.

– Накрапывает.

– Что на работе?

– Были проблемы, но сейчас все в порядке. И надо было меня выдергивать, могли бы и сами все уладить.

– Это хорошо, что без тебя не могут обойтись. Очень хорошо.

Отец опускается в кресло и, выдохнув, обращается к Тане:

– Как прошел день? Чем занималась?

Вопросы задаются с безжалостной четкостью, каждое слово твердо, как гранит. С подобными интонациями эсэсовец мог бы допрашивать схваченную партизанку. Отец сидит в кресле с таким видом, будто проводит дознание. Тане хорошо известна эта внешняя его суровость – суровость, под которой прячется нечто мягкое, нежное, ранимое. Строгость – лишь вуаль. Но вуаль – очень тонкая ткань, и под ней, если хорошенько приглядеться, можно угадать то истинное, настоящее, что она призвана скрывать.

На вопрос отца Таня пожимает плечами.

– Сегодня, пап, не произошло ничего особенного. Да на даче и не может произойти ничего экстраординарного.

– Не скажи, дочь, не скажи. Иногда в такой вот глуши происходят выдающиеся события... Ну, выдающиеся не для всего мира, но для отдельных личностей.

Он и не догадывается, что его слова станут пророческими.

Но что есть слова?

Существует ли глаз? Слышит ли Бог наши молитвы? Способно ли нечаянно оброненное слово повлечь за собой цепь событий, как влечет за собой лавину громкий крик в горах?

Кто знает, кто знает.

Отец устраивается в кресле поудобнее. Завязывается обычный домашний разговор – тот, что можно по вечерам услышать в счастливых семьях.

Это здорово, очень здорово – болтать обо всякой чепухе, видя перед собой лица дорогих тебе людей! И никакой недосказанности, которая обычно повисает в воздухе грозовой тучей и порождает скованность и напряжение; никакой игры слов, ведущейся, как правило, из-за того, что говорить правду опасно; ни хитро поставленных вопросов, ни уклончивых ответов. Ложь со своими присными – Недомолвками – избегает домов, где царят Любовь и Понимание.

В тот пасмурный вечер, когда Таня дала матери «клятву», свет в их доме не гас очень долго. Луна, это гигантское око небес, хоть и затуманенное белесой катарактой, но все равно прекрасно видящее, с любопытством заглядывало в окна неспящего дома. Вскоре она, любящая страшные тайны, потеряла интерес к трем мирно беседующим людям. Ее примеру последовал и свежий ночной ветер, разъезжающий в крылатой, покрытой звездной пылью, колеснице; он перестал стучаться в стекла и умчался куда-то в залитые тьмой дали.

Таня заснет сразу, как только коснется подушки щекой. Не потревоженная снами, она хорошо отдохнет и проснется, когда на смену румяному, росистому утру придет полный тепла и света день.

Человек, который смотрит на звезды

Ветер шелестел в кронах деревьев, в благословенной тени которых прятались влюбленные парочки. Вечер пьянил их надеждами, а зеленый шум уносил прочь из мира, где правят деньги и страх. Голоса их звучали приглушенно, словно шепот привидений и, идя по сумеречному парку, Макс ощущал себя путником, случайно забредшим в запретную для него страну. Вдыхая ароматы лета, он неторопливо шел к ждущему его Славке. И вдруг...

Вдруг из-за железного короба киоска, в котором днем продают мороженое, появилась знакомая фигурка. Знакомые глаза глянули на Макса – и он, точно ослепленный вспышкой молнии, застыл на месте, превратился в мраморную статую. Уже во второй раз эти глаза пригвоздили его к земле, вызвали ступор, лишили воли.

Девушка, виденная им в день освобождения, шла прямо на него. Иди он чуть быстрее, они непременно бы столкнулись, он не успел бы затормозить.

Их первая встреча засияла у Макса в памяти. Он помнил, как, неудержимо стремительная, она пронеслась мимо, а он стоял, недоуменно хлопая глазами, будто идущий через пустыню путник, перед которым только что рассеялся мираж. В тот день она лишь на миг подняла глаза, пробежала, промчалась не замечающей мелочей горной ланью. Тогда Макс не успел ее как следует разглядеть, но сейчас Судьба даровала ему несколько мгновений, и он не потерял ни одного из них.

У нее были широко расставленные глаза, живые, лучистые, такие небесно-голубые, что, казалось, сам Творец вырвал из заоблачной выси два кусочка сини и вставил их этой девчонке. Над глазами – тонюсенькие ниточки бровей. Длинные ресницы рождали тень, в которой при желании могли укрыться и стыдливость, и насмешка. Под идеально прямым носом перламутровой помадой блестели манящие, зазывно очерченные губы. Пшеничного цвета волосы были заплетены в две короткие, едва достигающие до плеч косички, и в этих косичках Макс увидел нечто трогательное, по-детски игривое и вместе с тем кокетливое, способное завлекать наивностью, сводить с ума беззащитной непорочностью.

Невысокого роста, крепко сбитая, с открытым лицом и золотом волос, девушка походила на скандинавскую богиню из журнала комиксов. Надень на нее рогатый шлем, дай в руки щит и меч – и... Нет-нет, воительницы из нее не вышло бы – слишком мягок был ее взгляд.

Макс всматривался в крупные черты милого лица, слышал шелест ее белого, смелокороткого платья и, чувствуя, как пылают его уши, разглядывал мускулистые, загорелые ноги.

И тут она вскинула на него небесные, доселе опущенные глаза.

Их взгляды встретились.

Она смотрела на Макса *с любопытством!*.. Или, быть может, ему это только почудилось?

Он стоял неподвижный, словно человек, увидевший прямо перед собой шаровую молнию и ожидающий, что она вот-вот взорвется. А девушка, на миг задержав на нем свой васильковый взгляд, пролетела мимо.

– Мама дорогая, – прошептал Макс, уставившись ей вслед.

Ему хотелось, чтобы она обернулась. Хотелось очень-очень сильно – и она обернулась.

Этот брошенный через плечо взор и тотчас вспыхнувшие пожаром смущения щеки, вывели Макса из оцепенения. Он улыбнулся – счастливо и даже победоносно. У него возникло желание сжать кулаки и закричать: «Да! Да!»

Так он и сделал.

Правда, крикнул негромко, так, что удаляющаяся девчонка не услышала за спиной никакого возгласа. Он шагала вперед, а зеленый полумрак парка похотливо поглаживал ее своими невидимыми воздушными руками. До Макса долетал стук ее каблучков, и он, воспламененный желанием завязать знакомство, едва не бросился вслед.

– Попридержи вороных, – сказал он себе, не отрывая глаз от девичьей фигурки, становящейся все меньше и меньше.

Наполненный будоражащей энергией, наэлектризованный, он, стоя, как истукан, думал о ней.

Макс почему-то был уверен в том, что эта девушка не похожа на смазливеньких, из кожи вон лезущих девиц, которые с упоением ловят знаки внимания, пытаются угадать, какой доход имеет подсевший к ним мужчина. Эти особы были ему хорошо известны. Они напоминали ему искушенных игроков, горящих одним лишь желанием – умно разыграть выпавшие им карты. Макс встречался с такими женщинами потому, что любил надменную, покрытую туманом тайны красоту. (Да и что, собственно, красота без тайны!) Но надменная красота почти всегда скрывает чувственный холод и душевную пустоту.

В глянувшейся ему девчонке, наоборот, ощущалась какая-то теплота, сердечность. И хотя Макс не обмолвился с нею ни словом, чутье подсказывало ему, что он не ошибается. Наблюдая, как фигурка девушки растворяется в сумерках, он неожиданно осознал: желание узнать ее поближе волнует его, лишает покоя. Это открытие вызвало у него глуповатую улыбку. Но главной странностью являлось то, что она привлекала его *не только* как сексуальный объект.

Черт, так ведь он видит ее всего второй раз в жизни!

Макс вздохнул.

Чего же он хочет? Серьезных отношений? Эта дорога была ему неизвестна, но он уже готов был пуститься по загадочному, манящему новыми ощущениями пути.

У него не было девушки, присутствие которой наполнило бы его весной. Выкованному в горниле боли, прикушенных от бессилия губ, тяжких разочарований и ненависти, нелегко полюбить...

Внезапно проникшая в него нежность не сделала Макса менее грубым. Глядя на белое, тающее в конце темной аллеи пятнышко, он выругался.

Что ж, так устроены русские люди – самое чистое, бережно хранимое возьмут да и завернут в колючую обертку. Крепкие словечки сами просятся на язык, и если одно из них не прозвучало в конце предложения, ощущение незавершенности грызет душу. Ругательства нужны и в середине предложения; спасительным мостиком ложатся они между жаждущими соединения словами. Мат помогает речи литься непринужденно. Он необходим русскому человеку. Изымите его – и получите общество растерянных, раздражительных людей, потерявших нечто ценное, родное.

В России можно материться, и вас не сочтут грубияном. И когда Макс опять выругался (на сей раз громко, без стеснения), никто из видевших его в ту минуту, не покачал головой, не сделал ему замечания.

Славка, сидевший на скамейке неподалеку, в десятый раз махнул другу рукой.

– Телка, которая только что пробежала, – Макс прищурился, устраиваясь рядом с ним, – в ней что-то есть.

– А-а-а, – протянул Славка. – Ты о Тане. Танечка, Танюша. Она контуженная.

– Что, правда? Была на фронте?

Оценив юмор друга, Славка хихикнул:

– Да нет, я не о том.

– А че дуру гонишь – контуженная...

– Не цепляйся к словам, ты ведь не Старуха. Просто с этой Таней у тебя ничего не получится.

– Почему?

– Потому, что она какая-то странная. Ей про постель, она – про цветы.

– Ты к ней что, подлазил?

– Из меня, ты знаешь, Дон Жуан никудышный. Ребята рассказывали.

– А почему ты подумал, что меня только койка интересует? – на лице Макса появилось глубокое удивление. Безусловно, наигранное, но...

– А что же еще?

– Может, я влюбился.

Славка выгнул рот полумесяцем. Он явно не допускал мысли, что его друг способен на это чувство.

– Как так – влюбился? Ты же ее не знаешь вовсе, даже...

– Любовь с первого взгляда.

– Ты не можешь полюбить *так*. Ты же еще не видел ее голой.

– У нее привлекательное лицо...

Макс не успел закончить, его перебили:

– Выходит, сначала ты смотришь на лицо?! Хм, что-то новенькое. А если, к примеру, она стоит в нижнем белье, тогда на что ты обратишь внимание в первую очередь?

Макс хитро взглянул на Славку и рассмеялся. Вдруг, когда приступ хохота еще не вполне отпустил его, он поймал себя на мысли, что боится услышать о Тане что-нибудь плохое.

– Слышь, Славян, – сказал он, – поверь мне, без одежды она будет *что надо*.

– Да-да, – Славка думал, будто подыгрывает другу, – зад у нее ничего. Отшлепать бы ее по булкам! И губы у нее красивые. Когда на них смотришь, думаешь о том, как она ими все делает...

В ту минуту Макс хотел, чтобы Славка унял свой язык, но он ничего не сказал ему, и тот дал собственному воображению разгуляться. Наконец, после сального монолога, который и Тинто Брасса вогнал бы в краску, Славка заговорил серьезным тоном:

– Эта телка, Макс, не для тебя. Не для *таких* она. Она для парниши, который называет свою мать мамулей, учится в универе, ведет заумные беседы и думает о будущем, хотя о его будущем уже подумали его родители – приготовили сыночку тепленькое местечко. Вот с ним Танюша будет ходить по театрам, рассекать на хорошей – не понтовитой, но добротной, дорогой – машине. А еще она будет ночами пялиться с этим фраером на звезды. «Это что, Большая Медведица?» «Нет, дорогая, это Малая Медведица».

– Барахтаясь в дерьме, тоже можно смотреть на звезды, – вздохнул Макс.

– Можно, можно, – на Славкиных губах появилась улыбка, какая возникает у сотрудника ДПС, которого в стельку пьяный водитель уверяет, будто выпил всего одну бутылку пива. – Только тому, кто барахтается в дерьме, никогда до этих звезд не дотянуться.

– А тем, кто не барахтается, дотянуться?

– Им тоже не дотянуться. Но зато от них не так воняет. Помнишь, мы с тобой как-то смотрели передачу про Индию, про касты? Так вот, у нас тоже есть касты, и из-за них между людьми возникают чертовы пропасти. Да, ты можешь долгое время водить людей за нос, и, кстати, у тебя это получится, потому что ты начитанный. Там Шекспира пихнешь, тут – Достоевского, все рты и разинут. Только вечно маску-то не проносишь, рано или поздно выдашь себя. А у этой Тани папа какой-то бизнесмен нехилый. Сечешь? Зачем ему такой зять? Он ментам занесет, чтобы тебя поскорее с пробега сняли. Есть люди, которые не любят вникать в детали. При них курнул анаши – и ты конченный наркоман, и не отмажешься никакими объяснениями. Для таких, если в тюрьме сидел – значит, бандит и подонок, значит, подальше от тебя нужно держаться. Касты, паренек, касты!

Повисла проникнутая грустью тишина. Однако ребята, подобные Макс, недолго предаются унынию; треугольные глаза страдальцев и опущенные уголки рта меланхоликов – не про них. Они гонят печаль, стоит ей лишь замаячить поблизости.

– Понимаешь, – серьезное лицо Макса смягчила улыбка, – Охота чего-то настоящего – чтоб снаружи блесло, и внутри не пусто было.

– У-у-у...

– Думаешь найти красивую тайну, а потом видишь, что она для тебя такая же тайна, как для сантехника засорившийся унитаз.

– Понимаю, – в голосе Славки опять послышалась ирония. – Найти идеал непросто. Понравились сиськи, а к этим сиськам придется взять в придачу говенный характер. А вот сказочной души девушка, и тити у нее круглые, но ноги кривые, смотреть противно. Короче, – ирония исчезла, – об этой Тане мало что известно.

– Это хорошо! – Макс победоносно вскинул сжатую в кулак руку. – Если о девчонке много говорят – значит, она шлюха, если мало болтают – стало быть, порядочная.

– Телка, которая с нею долго общалась, называет ее стервой... – произнеся это, Славка вновь увидел взметнувшуюся вверх руку.

– Нормуль. Ежели одна баба называет другую стервой – значит, она ей завидует.

У Макса на все был готов ответ, а это означало одно: он решительно отметаёт от образа Тани все, что могло бы его очернить.

Славка все понял и, отвернувшись, улыбнулся. Он представил Макса, идущего рука об руку с Таней – и ему стало смешно.

В минуту, когда на его лице блуждала невидимая никем улыбка, отвратительная рука ломки похлопала его по плечу. Он поднялся, быстро, стыдясь своей лжи, затараторил о каких-то родственниках, которым надо ни жить ни быть сегодня помочь, но, увидев разведенные в стороны руки друга, умолк.

– Труба зовет? – Макс читал его как открытую книгу.

– Ну, да, – сконфуженно вымолвил Славка.

– Главное, чтоб в ответственный момент не подвел.

– Не подведу. Ты же знаешь, Макс. А ты чем будешь заниматься?

– Подышу еще воздухом, а потом сном забудусь, ха-ха. Сон у меня на свободе крепкий.

Старуха

Александр Иванович Старцев, напротив, страдал бессонницей. Даже если ему удавалось быстро провалиться в дремоту, невидимая рука какого-то ночного демона непременно выхватывала его из сна. Что же не давало ему покоя? Грехи? Вряд ли. Со своей совестью он всегда легко заключал союз. Остается старость...

Этот человек родился в глухой деревеньке, затерявшейся где-то среди дремучих лесов и тоскливых полей. Там, сверкая заплатами на штанах, он бегал с друзьями на речку ловить раков. А однажды, наевшись пьяной вишни, циркулем исколол спину классному руководителю.

Первый раз в места лишения свободы он отправился в восемнадцать лет. Теплым июньским вечером, хлебнув браги, Саша захотел показать свою удачу приятелям и устроил налет на единственный в деревне магазин. Не в силах поверить, что ее грабит односельчанин, продавщица рассеянно хлопала ресницами, силясь понять, шутка это или нет. И только удар в нос окончательно развеял ее сомнения. Забрав две бутылки водки, ливерную колбасу и полкилограмма конфет, преступник, по-махновски задорно свистя и улюлюкая, бросился к товарищам.

Саша получил свои пятнадцать минут славы и пять лет зоны.

Так начинался его длинный тернистый путь к просторной, хорошо обставленной квартире, «мерседесу» с кожаным салоном, двумя телохранителям и молодой любовнице, чья задница не уступала в ширине заднице «мерседеса».

Греметь кандалами вместе пяти лет пришлось двадцать. Все завертелось из-за кошки, пришедшей в барак со сломанной лапкой. «Это ее Мишка Кривой из шестого отряда пнул», – услужливо сообщил Саше нарядчик, и Старуха, собирающийся вздремнуть часок-другой, поднялся на ноги – услышанное прогнало весь сон. Все, что на воле кажется пустяком, нелепостью, в лагере заслуживает внимания и серьезного отношения. Пропущенные мимо ушей слова трактуются как покорность, мягкость принимается за слабость, а нежелание ответить ударом на удар – это вообще начало конца.

Бытие определяет сознание. Недобрый мир порождает жестоких людей.

Итак, кошка пришла хромой и жалобно мяукающей, что было расценено как вызов. Перчатка брошена, и уклониться от дуэли мог только лишенный достоинства трус. Старуха принял вызов. И взялся за нож. Кто стреляет первым, живет дольше. Это правило распространяется и на того, кто первым пырнет ножом. Напрасно истекающий кровью Мишка Кривой искал путь к спасению, выбегая из барака и крича сатанинским голосом. Холодная, безжалостная сталь, точно жало обезумевшей осы, погружалась в его тело снова и снова, пока он не испустил дух. Досталось и подлетевшему «отряднику»: капитан внутренней службы получил два ранения в брюшную полость.

Поножовщина вытянула на пятнадцать лет.

После суда Старуха долго не мог прийти в себя, безумие в нем едва не взяло верх. Но позднее он успокоился, смирившись со своей долей.

Потекли дни, полные тревог, испытаний, тусклого электрического огня и изматывающих ожиданий. На смену летнему мареву приходила снежная закруть, вспыхивали, гасли и вновь вспыхивали холодные звезды, а серость барака менял ледяной сумрак карцера. Но нет таких стен, куда бы не могла проникнуть надежда. Именно она помогает человеку выжить в тех злых, обнесенных колючкой землях.

Старуха не сразу примерил черный милюстин лагерной элиты, но, очутившись среди блатных, понял: здесь ему самое место. Как и многие уроженцы сельской местности, он обладал необходимой для выживания в критических условиях цепкостью и умением настоять на своем. Он крайне неохотно прислушивался к мнению других и для победы часто использовал запрещенные приемы. Вскоре он так развил свое красноречие, что его способности убеждать слу-

шателей позавидовал бы и Цицерон. Его речи пьянили молодых и только прибывших, которые по причине собственной неискушенности, готовы были отдать все за неясно маячащую вдали идею.

Старуха любил не имеющих жизненного опыта юнцов. Больше них он любил лишь трусов. Страх он видел сразу, едва только искорки этого отвратительного чувства вспыхивали в глазах собеседника. Старуха придерживался убеждения, будто настоящий разговор начинается, лишь когда хорошенько возьмешь оппонента за горло. Если такое уместно, он предпочитал быть грубым. Он читал язык тела, и с невообразимой ловкостью жонглируя словами, убеждал во всяких нелепостях. Одного он распекал за то, что тот-де громко кричит, второго, наоборот, упрекал в слабости голоса. И с обоих он брал чай, тушенку, папиросы.

В темном, полном опасностей, глубоком, всегда враждебном океане, именуемом Зоной, Старуха выполнял роль акулы. Однако вести хищнический образ жизни – дело нелегкое, и за желание есть мясо вместо картошки приходилось недешево платить. Частенько Старуха отправлялся в штрафной изолятор, конфликтовал с себе подобными и чутко спал, прислушиваясь к звукам барака. Да, за мясо нужно отдавать кровь.

Но ничего не попишешь, из грязи в князи – тяжело, но весело, а вот из князей в грязь – быстро, но печально. Так сказал Старухе один пожилой вор в законе, получивший «корону» еще в сталинских лагерях. Тот древний мамонт был жуликом старой закалки, и воровские принципы сковывали его как кандалы. Он обещал людям – и слова его не расходились с делом, он советовал – и сам поступал так же. Он не прятался за чужими спинами, а потому страдал, и был горд этим.

Старуха поглядывал на него с уважением, отлично понимая, что самому ему никогда таким не быть. Он запомнил и впитал все, сказанное старым воров. Но чистая вода, разлитая по грязным стаканам, не будет прозрачной.

Слегка изменяя правила, Старуха все приспособлял под себя.

Он постоянно твердил о порядочности в делах и поступках, однако сам нередко поступал во сто крат хуже, нежели те, кого он горячо осуждал. Едва не казня других, себе он находил оправдание с невероятной легкостью. И как лихо у него это получалось!

Как же часто он заглядывал в глаза сбитому с толку человеку и голосом, властным и одновременно располагающим к безграничному доверию, спрашивал: «Ты что, думаешь, я вру?» И мало кто сомневался в его правдивости.

А еще Старуха всюду вворачивал слово «справедливость». Правда, ему было невдомек, что Справедливость имеет родную сестру, имя которой – Бескорыстие.

С пеной у рта он защищал тех, кто, по его мнению, был унижен, оскорблен, обездолен. В ход шли пышущие жаром фразы типа: «Поставьте себя на их место!» или: «Неужто этот мир прогнил настолько!?» Призывы одуматься, щедро пересыпанные едкими жаргонными словечками, заставляли неприятеля сложить оружие. После его капитуляции Старуха отводил униженных, оскорбленных и обездоленных в сторону и с волчьей улыбочкой объяснял, что ничего в мире подлунном *не делается просто так*.

Но не стоит винить волка в том, что он волк, а не пугливая лань. «Каждому свое», – гласит рожденный еще в античные времена принцип, гордо заявляющий о справедливости и неизбежности возмездия. Справедливость! Опять она!.. В лагерях любят поболтать о ней. И любят эту измусоленную, изнасилованную в нацистских узилищах фразу. Взаперти, в перевернутом мирке бесконечной суеты и злостных желаний, все, даже самое величественное, выворачивается наизнанку, присыпается ядом житейского опыта. Опыта копающегося в грязи червяка, забывшего о свежем воздухе и солнечном свете.

А годы шли. И если раньше Старуха с тоскливой улыбкой говорил: «Мне гудеть еще, как медному котелку», то в конце срока он, ощущая волнительную дрожь, заявлял: «Ну, все, катушка на размоте».

Настал день освобождения. Дали звонок. На дворе стоял декабрь. Морозы трещали такие, что мертвецы зябли в своих промерзших могилах. Но Старуха не чувствовал холода. Трясаясь на заднем сидении ветхого автомобиля, двигатель которого кашлял, точно туберкулезник, он таранился на ледяной диск луны и улыбался беззубым ртом. Его полинявшие глаза были глазами *свободного человека*.

Ему посчастливилось выйти на свободу в то веселое время, когда в России шумел на блатном жаргоне, искрился огнями горевших киосков и пестрел малиновыми пиджаками бандитский карнавал. Освободись он позднее, жизнь его сложилась бы иначе; но тогда, в хаосе девяностых, деньги лежали под ногами, и для человека с волевой хваткой не составляло труда их поднять.

В ту пору страна сходила с ума. Модные парни говорили на «фене» и презирали труд. «Кто понял жизнь – работу бросил», – ухмылялся четырнадцатилетний шкет. А шестнадцатилетний бережно, словно бесценную реликвию, показывал одноклассникам присланное из колонии фото, трепетным шепотом сообщая, что на снимке его брат. Собственную принадлежность к преступному миру демонстрировали все, кому не лень. Каждый заявлял о своей благосклонности к криминалу, каждый выказывал озабоченность по поводу милицейского произвола. «Он грубо мне ответил», – возмущался в очереди на кассу заводской слесарь. «Надо во всем разобраться, – обращал к нему свой серьезный лик его товарищ по цеху. – У меня есть *люди*. Такое нельзя прощать». Слово «люди» произносилось вполголоса, таинственно, с нотками бесконечного почтения.

Послевоенные «малины» стали называться офисами, и для темных личностей, в них собирающихся, коммерсанты являлись лишь блюдами в меню.

Всякому бизнесмену полагалась «крыша». Куда ж без бандитского протектората! Союз меча и орала священен! Да здравствует определенный природой симбиоз. Вот только такой альянс не был взаимовыгодным. Овцы забывали, что бояться сторожевых собак следует больше, чем волков, ибо псам ведомы повадки и слабости вверенного им стада; псы имеют к нему доступ и желание вкушать крови. Похлебка быстро надоедает хищникам.

В восьмидесятые люди стыдились своих судимостей, скрывали сии постыдные факты из биографии, в девяностые – о годах, проведенных в заключении, кричали во все горло. «Авторитеты» росли как на дрожжах. Дворовые тираны, властители переулков, диктаторы ларьков с глумливыми ухмылками осмеивали вечные ценности: честность, образованность, непорочность.

Что ж, лагерная тематика близка русскому народу. Бандитский карнавал девяностых есть наследие, оставленное нам эпохой культа личности. В стране, много лет обнесенной колючей проволокой, вряд ли могло быть иначе. Обычаи каторжан проникли в жизнь обывателей и укоренились там, а пьянящий воздух свободы помог им расцвести. Слишком неожиданно подул этот кружащий головы вольный ветер, слишком стремительно сменились полюса. В пору крови, бед и боев появляются герои. В дни, когда рассыпаются в прах прежние идеалы, начинается пришествие робинов гудов.

Если в России запахло переменами – жди появления ребят в черных кожаных куртках. Так было в семнадцатом, так случилось в девяносто третьем. В семнадцатом, надрывая связки, орали: «Грабь награбленное!», в девяносто третьем – медленно, с расстановкой и с неутомямым порханием в воздухе исколотых пальцев произносили: «Воровать не запрещено».

Ребята в кожанках не скучали никогда. Они вечно кого-то подкарауливали, назначали встречи на автостоянках, пьянствовали в саунах и, несмотря на то, что виделись регулярно, всегда обнимались. Они без конца трепались об «общих» деньгах и ездили в лагерь к малознакомым им людям. Ездили просто потому, что так было принято. Купленные на последние золотые цепи и кресты вызывающе носились поверх футболок и кофт. Ничего не поделаешь, так велел кодекс бритоголовых, живущих напоказ. В шумных барах, по сравнению с которыми ковбой-

ский салун – это тихая заводь, в томных, тенистых уголках парков, на неснящих полуночных улицах и в тишине облюбованных котами дворов – всюду взгляд наткнулся на группы одинаково одетых людей, что-то оживленно обсуждающих. Причем дискуссия непременно сопровождалась такой жестикуляцией, что говорящие смахивали на ветреные мельницы. И всем, видевших их, становилось ясно: парни за работой.

Их нравственная недоразвитость находила сочувствие, высказанные ими нелепости вызывали восторженность большинства. Им прощали, в них влюблялись, их уважали.

Криминальный карнавал искрился, воспаляя холодные головы, заражая бестолковостью, цепляя ярлыки, осыпая шелухой мерзких словечек, отбирая индивидуальность, глумясь над всем, что непонятно и оттого недоступно, обожествляя ничтожеств, прячась от вспышек разума, марая чистое, обеляя уже испачканное и обогащая представителей новой аристократии.

Старуха, так же мнивший себя дворянином, по причине чахотки имел одно легкое. Но аппетит, с которым он ел, явственно показывал, что желудка у него два. Этот же аппетит был виден и во время дележа денег. В колонии он боролся за пачку чая, на свободе – ставки выросли, и теперь на кону стояли пачки денег.

Вооруженный умением складно говорить, Старуха слыл ловким дипломатом. Ему не составляло труда сгладить острые углы, или, наоборот, раздуть из мухи слона. Он умел так сгустить краски, что обратившиеся к нему за помощью и получившие эту помощь, принимали его за мессию. Люди шли к нему, несли деньги, зазывали в компаньоны. Мало кто сомневался в его искренности, его правдивость была вне подозрений. А он, выжимая максимум из доверия окружающих, сам создавал им проблемы, и сам их решал. Словно слепые котята бизнесмены тянулись к нему, советовались с ним в делах, приглашали его на вечеринки, знакомили с семьями, предлагали долю в фирмах. В общем, строили свои города у Везувия.

Лет через пять после освобождения Старуха мог назвать себя состоятельным человеком. Он обосновался в пятикомнатной квартире, владел уютной дачей, содержал любовниц и даже нанял домработницу, которой платил, скрепя сердце. Впрочем, так же он платил и своему водителю. Страх перед безденежьем – сильнейший из человеческих страхов, а Старуха знал, как пахнет бедность не понаслышке. Тени нищеты преследовали его повсюду, и он, памятуя о рваных ботинках, относился к купюрам чрезвычайно трепетно.

Он жил хорошо, сытно. Чувствовал себя сильным, способным порвать глотку любому, вставшему у него на пути, что само по себе уже немало. Противники заставляли его быть в надлежащей форме, а толковые ребята – вчерашние мальчишки – смотрели ему в рот и делились с ним деньгами, как с наставником.

Когда хищник достигает значительных размеров, ему уже не нужно охотиться – он забирает добычу у хищников поменьше. Старуха следовал этому правилу неотступно. Он набрасывался на тех, кто неосмотрительно рассказал о своем криминальном успехе, кто имеет деньги, но не сможет их отстоять. Ему редко доводилось обжечься, он почти всегда праздновал триумф. Однако постоянные победы таят в себе одну угрозу – в отличие от поражений они ничему не учат. Глаз, привыкший видеть лишь униженно кающихся да подобострастно хихикающих, не способен разглядеть приметы грядущих перемен.

А меж тем в обществе происходили метаморфозы. Все менялось местами, переплеталось, срасталось воедино, приобретало спокойные тона. Негоцианты, мимикрируя под бандитов, коротко постриглись, бандиты, подобно английской королеве, продолжали царствовать, но перестали править. Для многих Старухиных собратьев коридоры криминальной власти стали лабиринтами. Магнетизм сидельцев таял, как апрельский снег; молодежь, научившаяся отличать настоящее от фальши, беспощадно жала каторжан в сторону.

Не избежал сией участи и Старуха. Да, у него были деньги. Но вместе с деньгами пришел страх. Опасность таилась повсюду: в новых законах, в жадности стражей порядка, в нигилизме

сопливых юнцов. Те, кому нечего терять, смотрели на все это с улыбкой. Старуха тоже улыбался, но совсем не весело. Ему все чаще приходили на ум слова старого вора. Путь из князи в грязи печален... Вкусивший тонкого вина с отвращением думает о браге.

В тумане грядущего Старухе мерещились пугающие призраки старческого бессилия, тщетности собственных деяний и возмездия со стороны тех, кто был им растоптан, но сохранил внутри жажду мести.

Мысли о возможном откате к бедности заставляли его с еще большим остервенением *обирать свое окружение*. Сторонний, гордо несущий голову человек, может, рассмеявшись, махнуть рукой или обратиться в органы; близкие же, скорее всего, не будут роптать. На это и делал ставку Старуха. Он бесцеремонно лишал водителя зарплаты, придумывая тому нелепые штрафы. Домработница тоже сидела на голодном пайке: зловещим, угрожающим шепотом ей было сообщено, что из спальни исчезли золотые украшения, и что взять их могла только она.

Среди ребят, имеющих со Старухой дело, зрело недовольство. Никто еще не заявил громко, в полный голос, но за спиной уже шептались о жадности, изворотливости и непорядочности шефа. Единственная, на кого босс не скупился, была его двадцатилетняя любовница – девица, совершенно не понимающая юмора, но всегда улыбающаяся, с длинными, крашенными в белый цвет волосами и обгрызенными ногтями, с полным, чувственным ртом, какой нравится похотливым мужчинам, и с интеллектом мартышки. На нее Старуха денег не жалел, потому что боялся потерять ее. Он снял ей квартиру, водил в рестораны, покупал вещи. Чем еще, как не деньгами, мог заинтересовать он молодую девчонку?

В свои пятьдесят пять Старуха выглядел на семьдесят. Его обезображенный тюрьмой облик отталкивал. Изрытое арыками морщин вытянутое лицо, неопределенного цвета злые глазки и копна седых волос, скрывающая лысину на макушке – это голова Старухи. Впалая грудь, дряблая шея, белесая кожа утопленника на животе и тощие конечности – это его тело. На спине лагерника красовался собор, купола которого терялись в синих, клубящихся облаках; на предплечьях вальяжно развалились обнаженные, томящиеся желанием русалки; живот занимал кот в сапогах, ведущий на эшафот девушку в старинном платье; на шее, умиротворенные и по-детски пухленькие, беззаботно парили кудрявые ангелочки, а пальцы украшали воровские перстни, коих с годами Старуха стал стыдиться.

Пожилой, исколотый, тщедушный, он походил на почтенного вождя какого-нибудь североамериканского племени. Надень ему головной убор из перьев, облачи его в меховые брюки и куртку из оленьей кожи – и вот вам готовая натура для вестернов. Хотя Старуха давно простился с молодостью, одежда его не указывала на солидность. В ней читалась жалкая, безуспешная попытка выглядеть моложе. В голубых рваных джинсах, в пестрой бейсболке, в ярком, исписанном иероглифами пиджаке с капюшоном, он смотрелся так же смешно и нелепо, как проститутка преклонных лет, нацепившая на себя все короткое и облегающее.

В черной яме души этого изуродованного неволей человека жило немало зубасто-мерзких тварей, но лишь одна из них выросла до размеров чудовища. Имя ей Зависть. Ненасытный монстр заставлял своего хозяина коситься в сторону обладающих коммерческой сметкой, умеющих заработать счастливицков. Монстр принуждал затевать против них недоброе. «Творить зло, не получая никакой выгоды, – это же бессмысленно», – скажет человек разумный. Но живущий в бездне Старухиной души Левиафан возразит ему: «Я не могу иначе». Иногда Старуха, глядя в зеркало и думая, будто беседует с самим собой, разговаривал с Левиафаном. «Ты немало выстрадал, у тебя многое есть, но ты достоин большего, – шептал он тихим голосом, который вдруг делался громче, становился ревом неукротимого чудовища. – Кому, как не тебе, решать судьбы людские!? Кому собирать урожай из рублей!? Счастье нужно заслужить, и все эти молокососы, с умным видом и умными речами пусть становятся в очередь! Сначала я возьму от жизни все, а уж потом – они!»

Однако брать что-либо от жизни становилось все труднее.

Старуха неохотно вкладывал деньги в бизнес. Сам он не умел вести дела, а другим не доверял. Ему, облапошившему сотни, повсюду мерещился обман. «Хочешь меня обхитрить, ха-ха, – говорил он, бережно складывая в сейф купюры. – Хер тебе! Видал я таких – с наполеоновскими планами и слюнявыми просьбами». Он оставался хищником, и в людях по-прежнему видел *только добычу*. Неудачи лишь слегка сбили с него спесь, но своих авторитарных привычек он не растерял. Ему все так же казалось, будто мир (ну, хотя бы район) вертится вокруг него.

Впрочем, к боссу все еще относились с уважением. Время стерло зубы старого волка, но из молодых волчат он запросто выгрыз бы кишки. Это знали, и этого боялись.

Он носил на руке дорогие часы и разъезжал в дорогом автомобиле. Так было нужно. Роскошь тоже бывает необходимостью. Он регулярно летал в жаркие страны, и хвастал этим перед знакомыми. Ему приветливо улыбались в ресторанах, ему дружелюбно пожимали руку на улице. Те, кто не знали его хорошо, думали примерно так: «Славный человек. Приветлив, приятен в общении, видел жизнь без прикрас. Дает умные советы. Тревожную душу успокоит, а зарвавшегося наглеца поставит на место. Всегда сдержан и рассудителен. Имеет связи и готов прийти на помощь. Про него всякое болтают, но он живет в жестоком мире и не может поступать иначе. Невинному-то он вреда не причинит. А анекдоты рассказывает такие, что все по полу катаются. И беседу в компании поддержать умеет. Для каждого ключик подберет. Разговорит даже немного. Хороший старик».

Девяностые были эпохой легенд. Эхо тех легенд слышалось и на заре нового века.

Молва утверждала, будто однажды Старуха узнал, что среди платящих ему дань таксистов работает больной раком мужичок. Он освободил недужного мужичка от выплат, и слухи о милосердии и человеческом участии Старухи наполнили город. Мало кто знал, что, отпустив с миром одного, Старуха переложил ношу отпущенного на другого – молодых ребят, собирающих деньги с таксистов, он обязал приносить ему деньги за больного. Старуха был щепетилен даже в мелочах.

Из уст в уста передавался еще один миф.

Как-то вечером, плотно поужинав в ресторане, Старуха, увлеченный телефонным разговором, забыл расплатиться. Он вышел на улицу, сел в автомобиль, который тут же растаял в сгущающихся сумерках. Официантка, приносившая ему заказ, за пятнадцать минут успела пройти семь кругов ада. Хозяин кабака, красномордый мужлан, чей лексикон состоял лишь из забористых словечек, а руки всегда лезли официанткам под юбки, багровея от ярости, орал на девушку, угрожал и даже ударил ее по лицу. Ему не столько нужны были деньги, сколько хотелось напомнить персоналу о своем статусе. Растерявшаяся девчонка только повторяла: «Вычтите у меня из зарплаты. Пожалуйста, из зарплаты». Но хозяин ее будто и не слышал; он продолжал нависать над ней ревущей горой сала. И тут за спиной его мелькнула чья-то тень...

Старуха явился девушке не совсем прекрасным, но добрым рыцарем, готовым вырвать жертву из когтистых драконьих лап. Он попросил дошедшего до кипения мужчину успокоиться, и со словами «моя рассеянность очень дорого стоила этой девочке» достал бумажник. К тому же он добавил, что готов все компенсировать «несчастной девчужке». Хозяин заведения знал, с кем имеет дело, и потому, предложив считать все произошедшее недоразумением, отпустил официантку со Старухой.

На этом заканчивается та часть истории, которая известна всем, и начинается другая – известная лишь официантке, Старухе и его водителю, не раз возившем босса и девушку в маленькую гостиницу на окраине города.

За все надо платить, господа! Современные рыцари требуют мзду даже за сомнительные подвиги.

Итак, Старуха в свои пятьдесят пять был башней, расшатанной тараном нового времени. Мрак феодализма и беззакония рассеивался, и свет здравого смысла пугал каторжанина, как

пугают вампира лучи зари. Его лагерные приятели большей частью стали призраками, а официоз и отречение от старых порядков не сулили ему ничего хорошего. В будущее приходилось заглядывать с нервной дрожью. Он не мог не волноваться, даже когда его никто не беспокоил. Там и сям ему мерещились жуткие тени – те, что чудятся старикам, не воспитавшим себе защитников. Он включал телевизор, и с тревогой подмечал, как место криминальных саг занимают полицейские сериалы. Он приезжал в бар на чашечку кофе и, общаясь с молодежью, понимал: желторотая шпана – это потенциальная проблема. Он вглядывался в лица депутатов на огромных плакатах, и сознавал, что нынешняя власть – это они, холеные, известные, грамотные. А ему никогда таким не быть. Подобные мысли удручали. Власть – хмельное вино, она туманит мозг и, сделавшись недоступной, вызывает мучительное похмелье.

И все-таки в умении запихнуть тревогу подальше, ему было не отказать. Старый волк знал: тоска в глазах привлекает к человеку проблемы, отчаяние очерняет. Выходя сегодня на улицу, он улыбнулся. Но не свету лета, не чистоте небес, нет. Он улыбнулся своей надежде – жить в достатке, не ведая катаклизмов, не зная серьезных потерь.

– Хе-хе, – губы его растягивались все шире. – Надо будет до «чистильщиков» долететь. Нужно всегда оставаться на виду, а то не ровен час забудут.

«Чистильщики»

За час, два до того, как в город хлынет и заструится между домов волна ночного мрака, эти ребята начинают собираться в мобильные, жаждущие легких и кровавых побед стаи.

Кто они?

Им от шестнадцати до тридцати. Они любят бары, где накурено, дымно и дешево. Их глаза подернуты пьяным туманом, а кулаки всегда готовы ломать носы и выбивать зубы. Они со злобным интересом изучают каждого незнакомца, горя одним только желанием – устроить избиение. В карманах у них среди мелких купюр и презервативов свинчатка или кастет – словом, то, что прибавляет уверенности подлецу.

Довольно не глупые парни, днем они – студенты, ученики, заботливые сыновья, а вечером... Вечером они превращаются в вампиров.

Вот бравая компания, от которой разит перегаром и пьяной дерзостью, курит на пороге небольшого кафе и отпускает недвусмысленные шуточки в адрес проходящей мимо девушки. Ее парень грубо реагирует, и на нем мгновенно фокусируется внимание ищущей повода своры. Слабой искорки вполне достаточно, чтобы воспламенить эту бочку с порохом. Слово, другое, третье – и вот уже грянул взрыв. Действия хулиганов согласованны и максимально жестоки; ни о каком кодексе чести нет и речи, происходящее – совсем не дуэль. Сопротивляться разгоряченной, вкусившей крови толпе – все равно что драться со сторуким великаном. Этот великан никогда не проигрывает, он зол, беспощаден, и единственное, что может его остановить – вой милицейской сирены. Великану нельзя мешать, так как он не уважает старость и заткнет рот любому пожилому человеку, проявившему участие. Он также не является джентльменом, а потому не церемонится и со слабым полом. Его кулаки обрушиваются на головы всех, кто имел неосторожность крикнуть: «Прекратите!» В общем, подругу уже лежащего на асфальте парня затягивает бешеный водоворот избиения. Неожиданно из дверей заведения трусливо высовывается голова охранника, пару минут назад выполнившего свой профессиональный долг набором номера милиции. «Сюда едут», – пищит он. Существо с десятком раскрасневшихся морд и разбитых в кровь кулаков, бросается прочь. Сонная громада города лениво наблюдает, как оно растворится в тягучей мгле. Лабиринты улиц спрячут многоликого Минотавра, спасут его от зевающих, безразличных стражей порядка.

Закон, этот не всегда суровый, подслеповатый старик, плохо видит днем, а ночью ему лень заходить в пустынные дворы и дымные бары. Далеко не всякий раз он настигает подонков, но те все равно трепещут перед ним. В противном случае они не кидались бы стремглав, услышав слово «менты»...

А вот эти ищущие приключений парни в другой вечер и в другой части города. Их волосы треплет ветер, руки зябко прячутся в карманах курток, губы шевелятся, и единственное, что с них слетает – это площадная брань. Огни в домах гаснут. Вечер сулит развлечения. Из подворотни медленно выплывает чья-то тень. Не то человек, не то призрак. Местный наркоман вышел на вечерний променада. Приближающаяся ломка делает его активным; лихорадочный поиск денег начался. Он неслышно крадется вдоль кирпичной стены, косясь на шумную компанию. Уйти, скорее уйти! Но его появление замечено. Осиный рой не миг замолкает, и в этой тишине явственно слышится угроза. Спеша убратся, наркоман семенит в ближайший подъезд. Его догоняют, останавливают, обступают со всех сторон.

– Куда пошел? – спрашивает голос незнакомца.

– Да я, пацаны, это... – наркоман запинается, ему страшно.

– Посмотри на него хорошенько, – советует голос из толпы, – Это «нара». Он и двигается-то как в замедленной съемке.

– Не-е-е, пацаны, – мычит раб героина. – Я не колюсь. Честное слово.

Удар в нос бросает его на мостовую. Десятки ног приходят в движение. Они пинают и топчут. Наркоманов частенько бьют, и тот, кого сейчас лупят, привык к подобному обращению. Он не сопротивляется и даже не стонет, с христианским смирением принимая побои. А вскоре он уже умело изображает полную отключку; так легче всего прекратить экзекуцию. Хищники не питаются мертвечиной. Но эти ребята скорее падальщики. Вид потерявшей сознание жертвы не останавливает их, они молотят, пока не устанут. Наконец один из них командует отбой, и первым склоняется над окровавленным телом.

– Гондон штопаный! – кричит он в ухо полутрупа. – Знаешь, кто мы!? Мы – «чистильщики»! Запомни, и другим расскажи. Мы очищаем город от такой вот мрази, как ты! Ни одного наркота в покое не оставим!

– Да! – подхватывает гул голосов. – Кулаки до локтей о вас сотрем!

Кто-то плюет на тело поверженного врага. Подмигивая друг другу, «чистильщики» уходят. Они меняют дислокацию. Новое место, новые жертвы.

Зачем же молодые, здоровые парни бьют людей, не причинивших им никакого вреда? Все просто: это их *способ самоутверждения*. Их волнует *только победа*, а не то, *как* она им досталась.

Кто же они? Каковы их лица?

Вот один из них. Высокий, кадыкастый парень двадцати четырех лет от роду, с большим горбатым носом и длинной белесой шеей, за которую его прозвали Жирафом. Темные глаза его всегда мутны, словно полные ила озера, а руки находятся в постоянном движении; они мелькают в воздухе во время разговора, что-то чешут, что-то ломают, наносят удары невидимому противнику. Они – два непоседливых хоряка, никак не могущие найти себе места. Жираф вообще крайне нетерпелив и неусидчив. По этой причине ему не удалось прочесть до конца ни одной книги, сотни его начинаний полетели коту под хвост. Приходя из института домой, он, наскоро перекусив, вылетает во двор так стремительно, будто крыша над головой горит. Его родители понимающе кивают: эхе-хе, у молодых столько энергии, да и столько надо успеть. (Чтобы сынуля везде успевал, ему купили автомобиль). Жираф садится за руль и мчится к своим приятелям. Без них он обычно чувствует себя неуверенно и как-то незащищено.

Лучшим его другим считается Гном. Рост Гнома полностью оправдывает его прозвище. Маленький, щуплый до слез, он может покупать себе одежду в магазинах для детей. Его подвижные, крохотные глазки замечают едва видимое, а хорошо подвешенный язычок способен испортить настроение тому, кто поначалу не принял всерьез похожего на ребенка парня. Существует поговорка: «Мал да удал». Гнома она не касается. Да, он невелик ростом, но совсем не удал. Смелость в него вселяет лишь полная незащищенность противника. Обделив этого человека габаритами и физической силой, природа наградила его изворотливым умом, умением строить интриги и способностью врать с честными глазами. Как и всякий опытный лжец, он разбавляет явную ложь правдой в пропорции один к одному. И ему верят. Верят родители его товарищей, верят в семье, верят в милиции, куда он иногда попадает после очередной драки. Гном жесток, хитер и злопамятен. Он не прощает никому и ничего. Кривые усмешки и косые взгляды в его сторону многим стоили зубов. Большая часть потасовок была спровоцирована им. Парень, гуляющий с хорошенькой девчонкой, всегда вызывает у Гнома зависть, ведь сам Гном у слабого пола популярностью не пользуется. Он ненавидит всех крепких, хорошо сложенных ребят с мужественными чертами лица. Еще бы, самому ему так недостает квадратного подбородка, стали в глазах и мускулов на плечах. Внутри него столько яда, сколько не извлечешь и из трех десятков черных мамб. Это он, Гном, в новогоднюю ночь налетев плечом на коренастого мужичка, заорал: «Наши – под раздачей!» и, видя приближающуюся подмогу, пустил в ход кулаки. Мужчина тот умер от перелома основания черепа прямо на руках у жены, хриплым голосом призывающей пьяных прохожих вызвать «скорую». А однажды Гном собрал

своих дружков вечером, когда его вышвырнули из бара «Восточный базар» за хамское поведение. Тогда тоже была кровь.

Если Гном похож на ребенка, то его товарищ Крюк напоминает крепкое, не страшщееся ни бурь, ни засух дерево. Нагромождение мышц на плечах и спине говорит о недюжинной мощи, а злобный огонек в глубоко посаженных глазах указывает на то, что мощь эта может обрушиться на кого-нибудь в любой момент. Крюк говорит всегда очень громко, выплескивая заученные фразы. С таким зычным голосом невозможно иметь умные мысли в голове, и Крюк их не имеет. Он просыпается после полудня, день отдает тренировке, а вечер – компании, где его уважают за оглушительный правый «крюк». Этому удару он и обязан своим прозвищем. Гном, похлопывая его по широкой спине, частенько говорит: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Да, Крюка можно сравнить с бронепоездом, но назвать «чистильщиков» мирными людьми может только человек, рассчитывающий вызвать у слушателей улыбки.

Истязать беззащитных – стихия «чистильщиков». И если учесть, что и Жираф, и Гном, и Крюк имеют благополучных, заботливых родителей, если принять во внимание тот факт, что они никогда не подвергались насилию и унижениям, напрашивается вывод: их агрессивность – вовсе не следствие социальных проблем. Скорее, на лицо случай массового умопомрачения.

Юность – пора радужных надежд. Радужных потому, что ей неведомы еще нечистоты мира, и вчерашние дети все еще верят в сказки. Юность похожа на весну – зеленую, цветущую, пьяную, не дающую спать, манящую в укутанные дымкой уголки, где прячутся тайны и любовь.

Но ни Жираф, ни Гном, ни Крюк не любят. Сие чувство недоступно им. А тому, кто не способен любить, не дано и *по-настоящему ненавидеть*. А как же Гном? Ненависть Гнома – это движение каловых масс по канализационным трубам в то время, когда подлинная ненависть – не что иное, как пожар души и клочкотание гнева.

Эти трое никогда *не дружили*. Потому что дружба им так же неведома. Они лишь называют себя друзьями, однако истинный смысл этого слова им недоступен. Они коротают вместе дни и ночи и часто говорят один другому: «У нас один за всех, и все за одного». В действительности красивые слова почти всегда скрывают уродливую правду. Правда заключается в том, что, попади кто-нибудь из «чистильщиков» в опасную передрагу, его приятели, мигом улавливающие запах отчаяния, тотчас забудут про него. Когда беда барабанит в двери, храбрый мушкетерский девиз сменяется благоразумным законом джунглей: «Каждый сам за себя».

«Чистильщики» благоразумны. Во избежание неприятностей они стороной обходят тех, кто может, если что, осложнить им жизнь. Они ищут расположения сильных мира сего, и нередко заручаются их поддержкой. Они гибки, расчетливы и трусливы.

На одном из сборищ Крюк выдвигает предложение создать бойцовский клуб.

– Подумайте, – он краснеет от напряжения, ожидая одобрительных возгласов товарищей. – Это же круто. Не какая-нибудь там секция бокса, а клуб, где орудут голыми кулаками!

– Да, здорово, – кивают приятели, думая в тот момент, какой же Крюк дурак.

Естественно, дурак – ведь в бойцовском клубе нужно драться, *добывать победу в честном бою*, а «чистильщиков» подобный вариант пугает.

Один на один. Только ты и противник. Глаза в глаза. Кость в кость.

«Нет, – думает Жираф, – так в два счета лишишься здоровья».

«Крюк спятил, – думает Гном. – Ему нужно меньше тренироваться».

«Чистильщики» – не воины. *Они – расстрельная команда*. Команда, которой нравится их дело.

Нередко они встречаются со Старухой, слушают его рассказы о былом, внимают мудрым советам. Старуха называет такие встречи «работой с молодежью». Высказывая свое авторитетное мнение по поводу устраиваемых «чистильщиками» экзекуций, он говорит, что все

это нужно, ибо без демонстрации мускулов нынче никуда, что слушают только сильных, и что эпоха акул кончилась, и наступило время пираний.

Крюк, Жираф, Гном и другие полсотни человек из шайки с серьезным видом кивают в знак согласия. Для Старухи же быть в центре внимания – значит, *жить*, и, усевшись на своего любимого конька, он без устали выступает перед сборищами туповато улыбающихся типов. В такие минуты он мнит себя Лениным, Троцким, а для него это важно.

Да, матерый, потрепанный жизнью волчара может научить молодых шакалов охоте на овец и правилам спасения ото львов.

Попрощавшись с наставником, «чистильщики» садятся в машины и катятся по притихшему под луной городу. Их руки сжимают пивные банки, глаза неустанно ищут добычу.

В двадцать первом веке вампиры не спят в гробах, не носят черные плащи и не шарахаются прочь, уловив запах чеснока. Нет, они, зевая, желают своим матерям спокойной ночи, обсуждают в баре боксерские матчи и откликаются на прозвища типа Жираф и Гном.

Здравствуйте, ребята!

Жираф и Крюк завизжали, как свиньи, увидев приближающегося к ним Гнома. Предметом забавы стала розовая футболка приятеля.

– Ну, ты видал!? – веселился Крюк.

– Да! – гоготал Жираф.

Сохраняя внешнее спокойствие, но, внутри кипя точно чайник, Гном изобразил на лице недоумение.

– Ты че, не понимаешь сам-то, что выглядишь клоуном? – осведомился Крюк.

Но осмеянный им товарищ только выгнул рот полумесяцем.

Тогда за дело взялся Жираф:

– Сейчас я тебе объясню, почему халва на Колыме. Слушай. Розовые футболки носят телки, которые никому еще по-настоящему не дали. Въехал? Ты бы еще панаму с цветами напялил, ха-ха.

Гном вгрызся в него взглядом человека, натолкнувшегося на твердую стену человеческой глупости и готового во что бы то ни стало сокрушить это препятствие.

– Знаешь, Друган-Братан-Джекки-Чан, – насмешливо начал он, – ты туп, как колхозник, думающий, будто он обыграет лохотронщиков на автовокзале. Лови суть, мудила. Все знают: розовый – бабский цвет, и уважающему себя парню носить его – курам на смех. Табу. Но пойми, тот пацан, что надел розовое, и есть самый уважающий себя пацан. Он знает себе цену и плюет на гребаное устоявшееся мнение, ему начхать на смешки тех, кто вырядился как мафиози. Он сознательно нацепил розовое, потому что все его знают с хорошей стороны, и никто не заподозрит его в паскудном. Вкурил теперь?

Губы Крюка расстались с улыбочкой – уж больно здорово сказал Гном. Но Жираф по-прежнему ухмылялся, он хотел, чтобы последнее слово осталось за ним.

– Подожди-ка, – его глаза сузились. – Эдак можно пойти и дальше: вставить серьгу в ухо, прийти на пляж в стрингах. Чего тут такого, все же тебя знают...

– Это двадцать два, – перебил Гном приятеля.

– Чего?

– Я говорю: это перебор. Нормальный пацан должен знать, когда надо остановиться.

– Ха, на прошлой пьянке ты утверждал, что тормоза придумали труссы. А теперь вон как вывернул.

– Слышь, – Гном уже брызгал слюной, – ты ведь меня понял, так зачем порожняки гонишь? «Базарги» хочешь? Вон с *этим* пообщайся.

И он указал на подъехавший к ним черный «мерседес», из которого, не сразу, а после паузы, как и подобает истинному боссу, вышел Старуха. В одной руке он держал мобильник, другую, сплошь исчерченную лагерными наколками, протянул по очереди каждому из «чистильщиков». Голову его покрывала бейсболка, смотревшаяся на нем совершенно нелепо, а из-под дорогого спортивного костюма торчала ни к селу ни к городу надетая рубаха. Одеваться он так и не научился, зато его умению ловко лепить предложения позавидовал бы и Авраам Линкольн. «Чистильщики» знали об этом таланте Старухи, и не упускали возможности перенять у него опыт.

– Как делишки, молодежь? – осведомился Старуха и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Смотрю на вас и думаю: почему нашим миром правят старики? Нужно давать власть молодым, неискушенным, неиспорченным, и тогда не будет того скотства, которое творится повсюду. Эх, хорошо, что вас увидел, а то уж совсем про меня забыли. – Он вздохнул с наигранной грустью. – Вот так мы, старые пердуны, уходим на пенсию – тихо, незаметно.

Его самоирония была подкупающей, и лица «чистильщиков» озарились улыбками.

– Да нет, – сказал Жираф. – Это ты сам к нам в бар не приходишь. А мы вечерами там, в «Восточном базаре». Команда в сборе. Заходи.

– В «Восточном базаре», – задумчиво проговорил Старуха. – Вот, где сейчас тайная вечеря. Но я не приду. И знаешь, почему? Потому, что апостолов многовато, а я не люблю большие сборища.

– Га-га-га, – заржал Крюк. Ну, ты даешь – апостолы!

– В «Базаре» -то хорошо? – Старуха прищурил один глаз. – «Мочалки» молоденькие, доступные, шнапс порядочный, порошок бодрящий – все в наличии? Надо закатиться к вам на огонек, нажраться, нанюхаться, трахнуть какую-нибудь «ложкомойку» или на худой конец бармена с охранником.

Он был хитер, и легко опускался до уровня тех, с кем разговаривал.

Услышав знакомые аккорды, «чистильщики», перебивая один другого, принялись рассказывать о веселеньких вечерах в «Восточном базаре». Несколько минут кряду они болтали о заезжем боксере, которому за косою взгляд выбили зубы, о визите в бар ментов и о толстой, жаждущей секса телке, отсосавшей почти у всех, кто был в заведении.

Старуха выслушал их, и когда фонтаны слов иссякли, спросил:

– А что новенького на жестоких улицах города? – и тут же конкретизировал: – Как торговля?

Слово держал Гном. Он сказал, что наркота идет неплохо, «барыги» получают товар и в срок отдают деньги. Кстати, о деньгах... Его, Старухи, доля лежит неприкосновенная дома у Жирафа. Нет-нет, сейчас ехать не надо, Старуха махнул рукой: потом, жизнь ведь сегодня не кончается. Затем старый волк поинтересовался, проводится ли среди «барыг» воспитательная работа?

– Конечно, – откликнулся Крюк. – Гоним жути, бьем по соплям.

– Правильно, – похлопал его плечу Старуха. – Все, кроме угроз, люди обычно пропускают мимо ушей. А угрозы надо время от времени подкреплять хорошей взбучкой, иначе станут думать, что умеем только болтать. Нам нельзя терять уважения, и потому...

– Нужно бить, – окончил за него Крюк.

– Совершенно верно. Нас должны бояться. Нам нужны победы, без разницы какие – честные или нечестные. Победителей судят только в том случае, когда победа не очень убедительна. Читали мифы Древней Греции? Ну, мультики-то точно смотрели. Персей и горгона Медуза – герой и чудовище. А что собственно выдающегося сделал этот Персей? Убил спящую бабу. Тоже мне герой. Тем не менее, его помнят и уважают. А почему? Да потому, что это была *настоящая победа*. Пусть грязная, но окончательная. Так-то.

«Чистильщики» слушали Старуху с внутренним возбуждением, а он, весь во власти вдохновения, продолжал:

– Молодость дана вам, чтобы заработать авторитет. Конечно, будет тяжело, придется обжигаться, хотеть большего и довольствоваться меньшим. Но всему свое время. Запомните, полжизни человек работает себе на имя, другие полжизни – имя на человека. Ну, да ладно, что-то я сегодня расфилософствовался. Поеду, пора мне.

И, попрощавшись, он сел в покорно ожидающий его «мерс». Приветливая улыбка слетела с его лица, едва только тронулся автомобиль. Старуха сорвал с себя маску дружелюбия и, глядя через тонированное стекло на быстро удаляющуюся тройцу, еле слышно произнес:

– Эти обезьяны еще долго не эволюционируют. О-хо-хо, – потрянул он головой, – работая с дураками, тяжело сохранить ум. Господи, как я от них устал. Куда не целуй этих засранцев – всюду жопа.

– Что-что? – спросил водитель, подумавший было, что босс говорит с ним.

– Не отвлекайся, – бросил ему Старуха. – Гляди за дорогой, рультерьер.

Проводив взглядом «мерседес», «чистильщики» некоторое время молчали.

– Мудно Старуха базарит, – Крюк положил конец затянувшейся паузе.

– Да нет, все по делу, – сказал Гном.

– Точно, – поддержал товарища Жираф. – Только мне не понравилась эта его мысль: полжизни – ты на имя, полжизни – имя на тебя.

Гном, который был хитрее своих приятелей, решил раскрыть им глаза:

– «Полжизни на имя» надо понимать так: *полжизни работайте на меня*. Во как.

Крюк плюнул на асфальт и сквозь зубы процедил:

– На хер он по большому счету нужен. Нынче не те времена.

– Черт его знает, какие нынче времена, – не согласился с ним Гном. – Пока еще мы слишком молоды, чтобы с ним тягаться. И знакомы с ним плохо – он, вишь, к себе близко не подпускает. А как узнать, какие козыри у него на руках? Вопросы-то он в городе кое-какие решает, и с уважухой к нему многие. Так что надо с ним дружить. А там посмотрим, куда ветер подует.

Жираф, все это время исподлобья наблюдавший за Гномом, криво усмехнулся:

– Поехали, теоретик хренов, по городу. Телок каких-нибудь «зависольных» поглядим.

– Верно, – обрадовался Крюк. – Это дело.

Троица уселась в «тойоту» Жирафа, где было душно как в парнике. Опустили стекла, включили музыку, и автомобиль полетел по изнывающим от жары улицам. Матерясь и перекрикивая выталкиваемый динамиками рэп, они то и дело меняли направление, завидев прогуливающих девчонок. «Эй, Марь-Иванны!» или: «Кис-кис-кис!», – кричали они, но ни у одной из телок не возникло желания пообщаться с ними. На предложение провести вместе время ответом всегда было молчание. Потерпев множество неудач, Крюк сказал, что еще не вечер, а Гном заявил: «Тупые кобылы недостаточно пьяны».

Пиво, бутылка за бутылкой, вливалось в глотки «чистильщиков», через два часа катания уже вполне созревших для своих мерзких побед. Они медленно ехали по центральной улице, плотоядно разглядывая людей. Время от времени созванивались с другими членами шайки, узнавая, где те находятся. Все верно, случись какой-нибудь конфликт, без подкрепления будет не обойтись. Пару раз их «тойота» останавливалась в людных местах, и троица выходила из нее навстречу новым безуспешным попыткам снять телок или завязать драку.

– Чувствует мое сердце, сегодня не наш день, – сказал разочарованный Гном.

Тогда ему было невдомек, что эти слова станут пророческими...

– Поехали в «Базар», – предложил Жираф.

Приятель ответил молчаливым согласием.

Автомобиль покотился в знакомом направлении.

Несмотря на вечер, дорога была загружена. Приходилось с трудом перестраиваться из ряда в ряд, подолгу стоять на светофорах, там и сям нарушать правила.

– Гребаная пробка, – ругался Жираф, желавший поскорее оказаться в любимом баре и потерявший всякое терпение.

Наконец они свернули на тихую улицу, где машин было немного. Впереди мелькнули желтые одеяния работников ДПС. Пиво тут же исчезло из рук «чистильщиков», музыка стихла, а ремни заняли положенные места. Миновав опасность, Жираф перевел дух и уже потянулся, чтобы добавить децибелов, как вдруг...

Откуда-то сзади вылетел небольшой автобус, похожий на маршрутное такси. Он грубо подрезал «тойоту» и понесся дальше.

– Он че, сучара, озверел! – глаза Крюка полыхнули злобой.

– Давай за ним, – махнул рукой Гном.

Но Жираф не нуждался в советчиках. Он уже вдавил акселератор в пол. В мгновение ока «тойота» догнала цель, поравнялась с нею.

За рулем автобуса, спокойный и сосредоточенный, сидел седой старик.

– Трижды гребаный «штрибан», – прошипел Гном и, указав на занавешенные окна автобуса, нахмурил брови. – Это случайно не катафалк?

– Во-во, – засмеялся Крюк, – для этого старпера он точно станет катафалком.

– Да нет, я к тому, что вдруг это похороны, – быстро заговорил Гном.

– Ты че, маму потерял, – повертел Крюк пальцем у виска. – Какие похороны, времени девятый час.

Жираф посигналил водителю автобуса и закричал:

– Эй, прими вправо!

– Прижмись! – орал Крюк.

Старик бесстрастно посмотрел на вопящих юнцов, но не сбросил газу.

«Тойота» вырвалась вперед и на тихом ходу поплелась перед автобусом. Из окон машины высунулись руки, указывающие на обочину. Старик не оставалось ничего, как прижаться к бордюру и остановиться.

– Так-то лучше, – прорычал Гном. – Сейчас я вырву твое сердце и буду пить твою кровь.

Восхищаясь собственным остроумием, он захохотал.

– Сам придумал? – спросил его Жираф с акульей улыбкой.

– Не-а, в кино слышал.

Хозяева ночных дворов не спеша вышли из «тойоты», громко хлопнув дверьми. Они подошли к автобусу и замерли, словно дожидаящиеся гонга боксеры. Старик открыл дверцу и безбоязненно шагнул навстречу «чистильщикам». Возмущенный одной мыслью, что этот древний динозавр оказался у них, королей жизни, на пути, Жираф зарычал:

– Ну, ты че, говно мамонта, на кладбище торопишься?! Хер с дверной ручкой перепутал!?

Не теряя спокойствия, старик спросил, кто хер, а кто – дверная ручка.

– Так ты еще и кровь пить нам собрался! – заверещал Гном, делая шаг в сторону непокорной жертвы. – Ты больше своих внуков не увидишь!

– Зато ты их увидишь, – старик произнес эти слова как угрозу.

Доведенный до кипения Гном бросился на него с дерзостью шакала. Но ему не суждено было нанести ни одного удара – донесшийся из салона автобуса гул голосов лишил его решимости, заставил остановиться.

– Внуки идут, – с иронией в голосе сказал старик, отходя в сторону и давая дорогу молодым.

Нечто многоликое и в то же время не имеющее лиц, одетое в пугающий черный цвет, что-то грубое, сильное и кровожадное, точно Сцилла из древнегреческих мифов, вывалилось на тротуар.

«СОБР! – мелькнуло в голове Гнома. – Это их автобус!»

Но прозрение пришло к нему слишком поздно. В следующую секунду для него выключился свет.

Собровцы не разменивались ни на слова, ни на угрозы, они сразу перешли к делу. К привычному для них делу. Холодно, методично и бессловесно ребята вершили экзекуцию. Их кулаки и колена точно находили нужные цели. Крюк попробовал было отмахнуться, но его удар, в который он вложил все свое отчаяние, повис в вечернем воздухе. Вернув себе равновесие, он бросился вперед, но лишь для того, чтобы получить по зубам и рухнуть на асфальт. Подняться на ноги ему не дали – тяжелый, как пудовая гиря, ботинок спецназовца пригвоздил его к тротуару. «У-у-у-ух», – вырвался воздух из легких «чистильщика». Через секунду, ошутив боль во всей полноте, Крюк застонал, перевернулся на бок и сжался в комок.

Пришла очередь Жирафа, так и не кинувшегося в водоворот драки, а с замиранием сердца наблюдавшего, как падают приятели. С его онемевших губ слетело слово «беспредельщики», вызвавшее у молчаливых доселе собровцев приступ веселья. Словно подхваченного неукротимым смерчем, Жирафа швырнуло в одну сторону, затем – в другую, потом завертело

на одной ноге и со всего маху брякнуло в дерево. Менты окружили его, не желающего вставать, ползающего на спине и хныкающего.

– Тебе помочь, или сам поднимешься? – спросил один из милиционеров таким голосом, что Жираф ощутил легкую дурноту.

Спустя мгновение (не без помощи сильных рук, естественно) Жираф принял вертикальное положение. Его спросили, что ему было нужно от старика, но он только съежился под ледяными взорами. Вопрос повторили, но ответ так и не был получен.

Жирафу досталось меньше остальных, и он лелеял надежду, что его больше не тронут. Шепча: «Кончайте, мужики», он переводил беспокойный взгляд с одного недоброго лица на другое.

– Ага, голос прорезался! – прищурился, воскликнул один из ментов. – А мы думали, ты немой. Что там бубнишь – кончайте, мужики? Сейчас кончим. Гондоны у нас есть? – поворачиваясь к своим товарищам и подмигивая, спросил он.

Получив положительный ответ, жестокий шутник скомандовал:

– Давай-ка его в автобус.

Приняв все за чистую монету, Жираф завизжал «нет!» так пронзительно, что ютившиеся в кронах деревьев птицы вспорхнули с насиженных мест. Его отпустили, но не совсем. Развеселый спецназовец предложил ему сделку:

– Хорошо, мы тебя не тронем, но ты должен трижды проорать на всю улицу: «Я люблю СОБР!» Идет?

Нет, Жираф не хотел этого делать. Ответом на его несогласие стал сокрушительный удар по печени. Он присел на корточки, из открытого рта показалась нитка слюны. Ему хотелось, чтобы этот кошмар поскорее кончился, чтобы его оставили в покое, ушли, дали прийти в себя, зализать раны. Злость и дерзость покинули его, уступив место покорности и испугу. Да, он был готов кричать что угодно, лишь бы выездная сессия ада убралась обратно, в преисподнюю. «Чистильщик» попал в чистилище. Глаза, еще пять минут назад прищуренные, разглядывающие мир с нескрываемой злобой, были теперь круглыми, как у ребенка, которому авторитетно сообщили, что нынешней ночью его заберет Бука. Все еще сидя на корточках, он завопил:

– Я люблю СОБР!

– Громче! – крикнули ему.

И Жираф заорал во всю глотку:

– Я люблю СОБР! Я люблю СОБР!

Выпалив это, он замолчал, и хотя боль отпустила, ушла, начал стонать. Менты, дико хохоча, прошли мимо него.

– Если «борзянка» не будет давать покоя, звони – мы ее выьем, – сказал один.

– Ты понравилась нам больше твоих подружек, – добавил другой. – У тебя очень сексуальный голос.

Слуги закона перешагнули через пузырящего кровавой соплей Крюка и остановились перед бездыханным с виду Гномом.

– Он живой? – бритый наголо спецназовец толкнул в бок своего молодого товарища по оружию. – Проверь у него пульс.

Молодой тотчас наступил на запястье Гнома, у которого аж кости затрещали.

– Живой, – возвестил лысый. – Вон пальцами зашевелил. Айда отсюда, пускай малыши свои мультики досматривают.

И соборовцы сели в автобус, и тот покатыл, оставив после себя голубоватое облако выхлопных газов и троицу, для которой вечер был безнадежно испорчен.

Жираф и Крюк поднялись на ноги синхронно. Первого боль уже отпустила, но он изображал страдальца и шел навстречу второму, согнувшись в три погибели. Они обменялись понимающими взглядами. Держась за животы, словно их понос прихватил, они подошли к Гному.

Тот как раз поднял дрожащие веки. Его бледная, с голубыми прожилками вен рука коснулась лба. Казалось, он проверил: на месте ли голова, и, убедившись, что она на месте, с облегчением вздохнул. Его рот, кровавый, точно у недавно вкусившего крови вампира, раскрылся:

– Во встряли.

– Да, – согласился Жираф, – вытянули не ту карту.

– Совсем не ту, – кивнул Крюк. – Сегодня нам выпал туз пик.

Сыпля зловещими проклятиями в адрес ментов, они по очереди изучили свои отражения в зеркале заднего вида. Состояние их лиц не добавило им оптимизма. Матерясь так, что и старый сапожник заткнул бы уши, Жираф завел машину.

– По домам, – сказал он.

Его ненависть ко всему живому в тот миг была бездонной.

Куда приводят крылатые мечты

Просить у родителей деньги Роману Белозерцеву не позволила совесть. Он просто ушел из дому, шепнув матери, чтобы она не беспокоилась.

– Я не пропаду, – сказал он ей.

– Пропадешь! – воскликнула мать – стареющая женщина с заплаканными глазами. – Такие, как ты, всегда пропадают.

Это была правда.

Но Ромка не остановился. Он толкнул дверь, слыша за спиной материнский плач и гневные возгласы отца.

Роман был ребенком поздним и единственным. Он рос добрым, веселым, беззаботным и оставался таковым до последнего времени, до того дня, пока не встретил свою любовь...

Окруженный родительской заботой и лаской, он целыми днями просиживал дома; не связывался с «плохими компаниями», не посещал «подозрительные вечеринки». Кончив школу, он поступил в университет, где за ним тут же закрепилась репутация домашнего мальчика.

Пай-мальчика всегда можно узнать потому, как неловко он чувствует себя, ругаясь матом. Его выдают аккуратно отутюженные брюки и робкая улыбка, появляющаяся всякий раз, как только над ним пошутят. В довершение Ромка носил очки, этот вечный атрибут маменькиных сыночков.

– Ромыч, курнем анаши? – подмигивал ему парень из группы, и тотчас, будто опомнившись, хватался за голову. – Да-да, я и забыл совсем: тебе ведь мама не разрешает.

У девчонок гораздо лучше получалось вогнать в краску смешного очкарика. Одна из них при встрече посылала ему воздушные поцелуи, от которых он чувствовал дрожь во всем теле. Другая смущала его тем, что обращала внимание на предметы своей одежды.

– Ромочка, – говорила она, – посмотри внимательнее, мне идут эти сапожки? Они делают меня сексапильнее? Или мне нужно одевать с ними юбку покороче?

Над Ромкой всю жизнь подшучивали, и он привык к этому. Зла он не помнил и был чрезвычайно отзывчив. Не раз ему приходилось помогать по высшей математике ребятам, которые, придя к нему в гости, расправлялись с содержимым холодильника и уходили, забыв сказать «спасибо».

Как человек, чья доброта не знает границ, человек, не видевший ни трудностей, ни предательства, он верил людям. Ему можно было наплести с три короба и он, приняв эту галиматью за чистую монету, сразу же отдавал все свои карманные деньги. Если его приглашали на вечеринку, то лишь для того, чтобы под боком был наивный, незлобный паренек, готовый сносить самые дерзкие остроты.

В шумном обществе сверстников он ощущал себя не в своей тарелке. Свет родных окон манил его, звал...

В просторной уютной гостиной отец, обнаруживший появление сына и потому отложивший газету, обычно предлагает партию в шахматы.

– Какой у нас счет? – спрашивает он, зная, что не получит ответа.

Какая разница, какой счет! Главное – общение отца с сыном.

А с кухни доносятся ароматы, от которых кружится голова. Там хозяйничает мама. Она варит, стряпает, печет, не покладая заботливых рук. Эти же руки нежно касаются Ромкиной головы, когда он садится за стол и начинает уплетать булочки.

– Как учеба? – спрашивает мама, и это еще один глупый вопрос.

Почему – глупый? Да потому, что Ромка – хронический отличник. Он может без запинки перечислить страны, через которые проходит экватор, назвать год, когда на Католаунских холмах был разгромлен Аттила и, нахмурившись, решить сложнейшую математическую задачу.

– Ты вундеркинд, – умиляется мама. – Таких совсем мало сейчас.

А отец, всегда серьезный, сдержанный, редко позволяющий себе улыбнуться, в этот момент светится счастьем.

Родители не надыхаются на сына. Оставаясь вдвоем, они говорят только о нем. Чьи-то дети попадают в тюрьму, садятся на иглу, конфликтуют с семьей. Ромка же, уходя из дому, целует мать, а в выходные помогает отцу на даче. Почти все свободное время он проводит в своей комнате, где царит волшебный полумрак, а со стеллажей в руки просятся тома Достоевского, Моэма. Чтение завораживает, уносит к бушующим морям, бросает в промерзлые пещеры. А мама, проходя мимо сыновней комнаты и слыша шуршание страниц, лучезарно улыбается.

Иногда всей семьей они ходят в лес на лыжах. Мороз игривым мальчишкой щипает лица, заблудившийся среди деревьев ветерок швыряется снежком, и все это так здорово! Домой они возвратятся уставшими, веселыми и довольными, усядутся перед телевизором и будут смотреть старые советские фильмы. Эти фильмы успокаивают, изгоняя из души неясную тревогу; в них мир добрый, а люди предсказуемые.

А еще отец берет его с собой на рыбалку. Сидя в надувной лодке над сонной задумчивой рекой, так хорошо размышлять о чем-нибудь приятном и так бесподобно мечтать! Ни звука, ни ветерка. Величественные деревья, облака в бледно-голубой утренней выси, зеркальная гладь реки – все замерло. Даже отец превратился в восковую фигуру. Мир застывших форм. Никто не потревожит тебя, знай себе поглядывай за поплавком, да думай о том, к чему душа лежит. Не беда, что улов невелик, побыть наедине с собой – вот для чего нужна рыбалка.

Друзей у Ромки нет: он тяжело сходится с людьми и, видя нового человека, замыкается. Его родители по этому поводу не переживают. С Ромкиным интеллектом, с Ромкиной порядочностью тяжело нынче найти друга. Ну, да ничего, кончит университет, устроится на работу, у него появится хорошая девушка, а там и до внуков недалеко. Такой теории придерживалась чета Белозерцевых.

Роману вот уже двадцать, но не с одной девчонкой он даже не целовался. Стоило ему только оказаться поблизости с понравившейся ему девушкой, как сразу начиналось: кровь стучала в висках, по телу пробегала дрожь, а волнение мешало связности речи. В то время, когда мать с отцом думали, будто их чадо парит над сверстниками, чадо, стоя перед зеркалом и видя в нем анемичного очкарика с копной волос, похожей на птичье гнездо, и прыщами, щедро рассыпанными по лицу, говорило:

– Внутренний мир, конечно, должен быть богат, но и внешний желательно, чтобы не бедствовал.

Люди, близко знакомые с неудачей, боятся повторения собственных ошибок. Именно поэтому Ромка не решился заговорить с девушкой, из рук которой неосторожным движением выбил сумочку. Сумочка упала и девушка, ловко подняв ее, покачала головой:

– Ты такой неуклюжий.

И как будто в подтверждение этих слов, пожелавший поскорее смыться Ромка наступил ей на ногу. Девушка вскрикнула. Ромка остановился и, густо краснея, извинился. Девчонка улыбнулась – не наигранно, чисто, искренне.

Ни улыбнись она – и Ромка пошел бы своею дорогой. Но эта улыбка стала солнцем, глянувшим из-за туч в то самое время, когда жаждущий света общения юноша страдал во мраке одиночества. Нехитрое движение губ сделало нечто, что не под силу миллионам слов и изощренным уловкам. Улыбка стала зажженной спичкой, метко брошенной в заждавшийся своего часа бочонок пороха.

Не смея дышать, Ромка во все глаза рассматривал ниспосланную ему небесами девушку. Она была высокая и худая, с темными выразительными глазами, в глубине которых пряталась печаль. Крашенная блондинка, она выглядела года на двадцать два, двадцать три, но во взгляде угадывалось пугающее знание старухи. Ей, одетой в простенькое короткое платьице, вслед

обернулся бы лишь один мужчина из десяти. Она не обладала аппетитными формами, и худоба ее смотрелась совершенно по-детски – точь-в-точь девочка-подросток, напялившая платье старшей сестры.

Однако для Ромки она была красавицей. Он полюбил ее потому, что она была *первой*, кто искренне улыбнулся ему и заговорил с ним естественно. На ее месте могла оказаться другая, но жизнь распорядилась именно так.

Даже под пыткой Роман не вспомнил бы, о чем говорил с нею – два часа он пребывал в полусне, в ином измерении. Оглушенный, застигнутый неведомым ураганом, он не слышал звуков улицы. Только голос. Ее голос. Девушки по имени Юлия.

Так началась эта любовь.

Однако не все было радужно.

Современное общество гуманно лишь на словах. В людях по-прежнему таятся древние кровожадные инстинкты, подталкивающие объявить изгоем любого, кто слаб и кто сомневается, кто слишком выделяется из общей массы и кто имеет прошлое.

Юля была девушкой с прошлым.

Собственно говоря, новую жизнь она начала, полюбив Романа. Четыре года, предшествовавших этой встрече, она проработала на панели.

Что ж, от панели ни одна девушка зарекаться не должна. Панель терпеливо дожидается девочек из глубинки; она подкарауливают матерей-одиночек и стучится в двери к ухоженным, мечтающим о деньгах и богатых мужчинах девицам.

Для Юлии все началось в темное морозное утро...

Тогда на пороге дома малютки нашли младенца, на ножках которого были вязаные розовые носочки. Фамилия подкидыша родилась благодаря ним – Носкова. Имя дали с легкой руки нянечки, обтиравшей пеструю юлу – Юлия.

Не знающая ни настоящей любви, ни настоящей ласки, черствая сердцем, верящая только в то, к чему можно прикоснуться, Юлька внутренне была готова стать проституткой. Ее подружки из детдома, начавшие половую жизнь в двенадцать лет, предложили ей эту работенку.

Спросом Юлька не пользовалась, и после всех сутенерских штрафов денег оставалось совсем мало. Но, привыкшая довольствоваться тем, что есть, она мирилась со всем. Ей довелось повидать немало дерьма. Водянистые взгляды пьяных ничтожеств, мнящих себя королями; зуботычины от хамов и тумачи от сутенеров; постоянное ожидание звонка в надежде, что клиент окажется трезв и не груб; уйма выкуренных сигарет и еще больше истраченных на склоки и препирательства нервов; переживания по поводу подозрительного клиента, у которого так не вовремя лопнул презерватив; пропахшие дешевыми духами и потом матрацы на снимаемой квартире; ночи, проведенные в милицейских кабинетах; драки с теми, кто спит на соседних кроватях; утренняя пьянка, цель которой – снять напряжение...

Юльку обошли стороной болезни, серьезные потрясения и наркомания. Много раз она порывалась уйти, но вопрос «что я буду делать?» удерживал ее от решительного шага...

– Ты очень красивая, – говорил ей Ромка. – И умная.

В этих новых для Юльки словах чувствовалась теплота, а от нее оттаивают заледеневшие сердца.

Она призналась ему во всем на третьем свидании.

– Девочка по вызову? – Ромка удивленно вскинул брови, на секунду задумался и пожал плечами: – Ну и что.

Ему было плевать. Он любил эту девушку и не думал о ее прошлом, живя только настоящим. Лавина любви погребла его; под ней он перестал ощущать окружающий мир. Прежние ценности – родители, дом, учеба – отодвинулись куда-то далеко-далеко. Как путник изнывает в пустыне без воды, так Роман изнывал без общения с противоположным полом. Первая,

попавшаяся девчонка, показалась ему миражом. А когда мираж оказался явью, он сказал себе: «Это моя судьба. И точка».

К Юльке любовь пришла чуть позже. Льду, покрывавшему сердце, требуется время, чтобы растаять. Ну, хотя бы неделю, или две.

На четвертый день их знакомства Юлька, сославшись на месячные, взяла у сутенера отпуск.

– Что-то темнишь, чувиха, – сказала ей одна из проституток. – И глаза у тебя как-то странно горят. Колись: нашла себе мужика?

Юлька кивнула.

– При «бабулях»? Не очень древний? Сколько ему?

– Двадцать.

– Сопляк. Значит, родители «заряженные»?

– Не шибко.

– Тогда на кой он тебе?! При нашей жизни любовь-морковь надо крутить, чтобы устроиться по-хорошему, а не для того, чтобы в комнате с подселением тихо чпокаться.

Комната с подселением появилась на следующий же день после этого разговора. Юлька сняла ее, заплатив вперед за три месяца. Она порвала с прежней жизнью. Разом, как отрубила.

Комнатушка с неровным полом, с блеклыми, выцветшими обоями и лампочкой, раскачивающейся под пожелтевшим потолком, казалась ей раем. Здесь можно было спать и не слышать доносившегося сквозь сон бормотания тех, кто не уснул. Здесь можно было распахнуть окно, не опасаясь ничьих недовольных возгласов. Здесь она, Юлька, была хозяйкой.

И рядом с ней находился человек, о котором ей – удивительное дело! – хотелось заботиться.

Ромка был таким неиспорченным, наивным, словно с самого рождения жил в монастыре. Он удивлялся таким пустякам, что Юлька, не в силах сдержать рвущийся наружу смех, спрашивала его:

– Скажи, а на Луне есть города? Почему – на Луне? Потому, что ты оттуда свалился.

Ложась с ним в постель, он знала, что получит удовольствие.

– Знаешь, – сказала она однажды, – раньше для меня секс был тем же, что для мойщицы посуды – стопка грязных тарелок. А теперь – другое дело.

Ромка, знакомый с сексом лишь по скачанной с интернета порнухе и боявшийся, что Юлька только разыгрывает оргазм, постоянно допытывался, хорошо ли ей с ним.

– Да, – отвечала она.

– Честно? – не унимался он.

– Я тебя не обманываю, – взрывалась она. – Если не прекратишь задавать свои противные вопросы, я обижусь.

Они болтали обо всякой чепухе. Он рассказывал ей содержание своих любимых книг, она ему – истории из жизни.

– Жаль, что я ничего никогда не читала, – часто говорила Юлька. – А ты – просто ходячая библиотека.

– А мне жалко, что я не писатель! – взвивался Ромка. – У тебя столько сюжетов, столько характеров! Да и в жизни, как я теперь понял, все ярче происходит, заковыристее.

Два месяца пролетели так быстро, как пролетает все радостное, доброе, волшебное. Действительность не замедлила напомнить двум растворившимся друг в друге людям о существовании невзгод и трудностей.

Университетский преподаватель принес в дом Белозерцевых страшную, невозможную весть: Роман не появляется в храме науки. Разразилась невиданная доселе буря. Мать с отцом, поначалу сбитые с толку, но позднее пришедшие в себя, метали громы и молнии. Их ребенок, их чудо-мальчик, друзьями которого были книги да учеба, вдруг свернул с пути истинного! Что

случилось? Где он пропадает целыми днями? С кем проводит время? Может, он стал жертвой чьих-то козней?

Ответы на все вопросы родители хотели получить незамедлительно, и Ромка был честен с ними. Честен, как всегда. Известие о появлении у сына любимой девушки отец воспринял молча, с каменным лицом. Мать же голосом, похожим на набат, призвала Ромку одуматься. Она сказала, что любовь, пусть даже и первая, не повод бросать учебу. Стареющая женщина забыла: влюбленные не думают о будущем. Любви не известен расчет, но хорошо знаком порыв. Ромка взорвался – впервые. То ли в пику родителям, то ли, желая рассказать все до конца, он сообщил о бывшей работе избранницы. У мамы началась истерика. В семье Белозерцевых продажная девка, шлюха! Мамин крик звенел в чинно стоящих в буфете хрустальных фужерах и в ушах Романа, который обманул надежды веривших в него людей. Отец, мраморным изваянием застывший в дверях, молчал, пребывая в шоке. Дворец, называемый семьей, храм, сложенный из заботы, понимания и абсолютного доверия, рухнул в одночасье.

– ... и всему виною потаскуха, охмурившая невинного, – причитала мама.

Оскорбление, прозвучавшее в адрес избранницы, сделало свое дело. Можно костерить самого человека, но не касайся предмета его страсти. Клокочущий внутри Романа гнев толкнул его в спину. Он хлопнул дверью и через притихший сумрачный город помчался к той, которую боготворил. Плевать на все! Плевать тысячу раз!

Юлька ждала его. Он упал в ее раскрытые объятия и, давась словами, попытался рассказать о конфликте с родителями. Она закрыла ему рот поцелуем.

Ночью, лежа в постели, Юлька сказала ему:

– Всегда мечтала выспаться на чистых простынях.

В дешевых номерах, где она обслуживала клиентов и на съемных квартирах простыни были застиранные и потемневшие, точно полотняный саван египетской мумии, а та простыня, на которой она сейчас лежала в обнимку с любимым, ослепляла своей белизной.

Юлька была счастлива.

Ромка был счастлив.

Но тени неприятностей уже толпились вокруг дома, где мило ворковали влюбленные.

Желающая самостоятельности молодежь должна быть готова к голоду, и в отличие от Ромки, которому мама подавала чай с размешанными в нем двумя ложками сахара, и который думал, будто чай сладок сам по себе, Юлька понимала: деньги никто не принесет просто так. Две или три недели влюбленные встречали день с пылающими сердцами и пустыми желудками. Наконец Юлька сказала:

– Пора работать.

Ромка согласился с нею. Где-то в темных уголках его души плаксивый голосок домашнего мальчика призывал: «Не отвергай родительскую помощь. Сходи к ним, помирись». Все верно, трусость помогает выжить, а покорность делает человека сытым. Однако с недавних пор в Ромкиной душе завелся новый голос – ранее неведомый, голос паренька, превращающегося в мужчину. «Завел семью – веди себя как взрослый», – приказывал этот баритон. Неожиданно обнаруженная гордость не позволила Ромке вернуться к родителям с протянутой рукой.

Он устроился ночным сторожем в школу, где еще недавно учился сам. Юлька работала продавщицей в продуктовом магазине. Невелики деньги, но те, у кого в голове шумит вино любви, довольствуются малым.

Помимо финансовых трудностей возникли и проблемы с законом. Отчисленный из университета, Роман Белозерцев активно уклонялся от службы в армии. Работники военкомата разыскивали его. Вскоре участковый каким-то образом узнал адрес уклониста – и Ромка начал вздрагивать при каждом звонке в дверь. Школа так же не была безопасным местом – многие знали отличника и медалиста, работающего там сторожем. Пришлось уволиться.

Ночью, прислушиваясь к шорохам в подъезде, изнуренный тревогой, он шептал Юльке «люблю». И она в ответ шептала ему то же самое.

Днем Ромка, если получалось, подрабатывал грузчиком в порту. Донельзя уставая от незнакомого ему физического труда, он приходил в комнату, еле передвигая одеревеневшие ноги. Бледный, как привидение, ощущая тяжесть во всем теле, он легко касался своей возлюбленной; легко – потому, что на его руках появились мозоли, которые царапали тело и рвали колготки.

Вечерами, выключив свет, опасаясь незваных визитеров, Ромка с Юлькой мечтали. Это был хороший способ отвлечься, уйти от тревожной реальности.

– Вот бы уехать отсюда, – говорил Роман. – В теплые края. Купить домик возле моря – небольшой, нам ведь не нужен здоровый. Я бывал на юге. Там классно! Ночи темные-претемные, и повсюду светлячки. Знаешь, как это прикольно – светлячки!

– Да, наверное, – подхватывала Юлька. – Живые огоньки...

Наше общество похоже на злого, коварного карлика, внимательно наблюдающего за людьми и не способного простить оступившихся. Карлику незнакомо слово «милосердие». Он высмеивает незащитных и преследует слабых. Его кривая усмешка видна всякий раз, когда мимо проходит человек, чьи дела идут не лучшим образом. Он не спускает завидующих глаз с тех, кто находится на гребне волны, с нетерпением ожидая падения счастливых. Он без усталости сплетничает и не брезгает никакими интригами. Его не нужно долго ждать в местах, где запахло жареным. Он готов втоптать в грязь любого, кто слегка испачкался.

Юлька постепенно начала забывать о своем прошлом, но ей напомнили.

Возвращаясь однажды с работы, она столкнулась с парнем, которого когда-то обслуживала. Стекланный взгляд пьяного хама тотчас раздел ее донага. Она попыталась проскользнуть мимо и затеряться в толпе, но не тут-то было. Парень снялся с места и устремился за ней. Он сталкивался плечом то с одним, то с другим прохожим, вслед ему летели недовольные возгласы, а он, равнодушный ко всему, преследовал свою добычу.

– Эй! – голос его загредел властно и развязно. – Куда ты так спешишь, шлюшка?! Или позабыла старых знакомых? Меня зовут Жирафом, помнишь?

Он говорил так громко, что два молодых человека, пытаясь разобраться в ситуации, замерли на месте, а мужчина средних лет решительно двинулся навстречу хулигану.

– Куда ты прешь, мудила? – усмехнулся Жираф. – Это *проститутка*. Ее полгорода перетрахало, кого хочешь спроси. И она у меня деньги украла, въехал?

Заступник задумался лишь на одно мгновение, после чего, сконфуженный, отступил.

Юлька хотела крикнуть, что она не брала никаких денег, но внутренний голос шепнул ей, что нельзя привлекать к себе внимания. Будет хуже, только хуже.

Трое подростков смотрели в ее сторону с похотливым интересом. Известие, что перед ними шлюха, вызвало на их лицах румянец.

– Пацаны! – крикнул им Жираф. – Хватайте ее и получайте свой первый опыт! Она исполнит все в устной форме!

Мальчишки стыдливо заулыбались, но к погоне не присоединились.

Асфальт пылал у Юльки под ногами. Ей казалось, будто она шагает по улице совершенно голая и сотни глаз наблюдают за нею, а сотни губ шевелятся, презрительно повторяя: «Шлюха, шлюха...» Она пребывала в твердой уверенности, что догони ее Жираф и начни насиловать, никто из прохожих даже не попытается вмешаться. «Я прокаженная! – металась в ее голове дикая мысль – А прокаженных обходят стороной. С ними можно делать все, что вздумается, ведь пойдешь жаловаться – их никто не станет слушать».

Равнодушная толпа дает свое молчаливое согласие на любые мерзости. Тысячи, похожих на призраков людей, которые вроде бы существуют, а вроде, как и нет, мертвенно наблюдают за трагедиями. Продираясь сквозь рой этих привидений, Юлька, сама того не заметив, перешла

на бег. Она рвалась в комнату, в свою цитадель, где можно было забаррикадироваться, задернуть шторы, закрыть уши руками, прижаться к Ромке...

Бегство всегда порождает погоню. Если бежишь – значит, осознал статус жертвы, значит, слаб и не можешь драться.

Жираф пустился рысью, но надолго его не хватило. Через минуту он устал и, запыхавшись, остановился. Он, правда, запомнил дом и подъезд, куда забежала Юлька, и на следующий день наведаясь туда с компанией дружков. Опросив соседей, они быстро установили, где проживает «крашенная блондинка». Пьяная смелость прочно переплелась в них с мыслями о сексе. Пиная дверь и прикладываясь к пивным бутылкам, они не собирались отступать.

Из соседней комнаты к ним вышла пенсионерка, единственным развлечением которой было писать жалобы и затевать судебные тяжбы. Она сначала припугнула хулиганов милицией, а затем, сообщив им, что ни Юльки, ни Романа нет дома, осведомилась о причине визита. Жираф, решив немного поболтать со старухой, рассказал ей о Юльке – проститутке, клофелинице, воровке. Пенсионерка приняла эту новость близко к сердцу и, поблагодарив «хороших ребят» за полезную информацию, не медля ни минуты, отправилась предупреждать жильцов дома.

Вскоре Юлька стала замечать на себе косые взгляды соседей, а парочка подростков несколько раз жестикулировала в ее сторону оскорбительным образом. Являясь домой, она больше не ощущала былой защищенности. В воздухе носился страх.

Ромка тоже чувствовал его.

– Может, нам переехать? – спросил он.

Юлька пожала плечами.

Решение о переезде они приняли через три дня.

Бодрым, щебечущим птичьими голосами утром к Юльке подошел сосед со второго этажа – маленький человечек с лысиной на макушке и репутацией местного бабника. Он полюбопытствовал, «за что и сколько».

– Я не шлюха! – вспыхнула Юлька.

– Разве? – усомнился стареющий Дон Жуан.

Это ироничное, мерзкое «разве» погнало Юльку обратно, в комнату, где она надтреснутым голосом произнесла:

– Собираем вещи.

Ромка охотно повиновался.

На окраинах больших городов существуют тихие уголки, в которых жизнь течет неторопливо, точно впадающий в болото ленивый ручей. Там даже время замедляет свой бег, и от полудня до полуночи там целая вечность. Эти заводи хороши для не терпящих шума стариков и для людей, ищущих покоя. Именно в таком месте очутились Роман и Юлька.

– Я тут впервые, – проговорил Ромка, разглядывая почерневшие от времени, похожие на головешки, дома.

– А я здесь бывала, – сказала Юлька. – Когда еще в детдоме воспитывалась. Неподалеку отсюда было поле, и мы на нем картошку копали. Кругом живут одни старики. Многие себе даже дров нарубить не могут, потому что еле ходят. Думаю, нам будет несложно тут устроиться.

Она ошиблась. Пожилые люди боязливо откликались на стук и не торопились впускать незваных гостей. Они подолгу расспрашивали, кто там и что нужно, а затем, щелкнув засовом, приоткрывали дверь, демонстрируя свои испуганные лица и отрицательно мотая головами. Нет, им не нужны квартиранты, они и сами в состоянии управиться с домашней работой.

Переходя от избы к избе, пара беглецов всюду получала отказ. Старики вели себя так настороженно, будто кругом бушевала эпидемия чумы. Одна сморщенная, как сморчок, старушенция битых полчаса выпытывала у Романа и Юльки, почему молодежь переезжает в предместья вместо того, чтобы тянуться в город. Еще она спрашивала, являются ли юноша и девушка

супругами и кто таковы их родители, и знают ли эти родители, где в данный момент находятся их чада.

Старуха поведала, как прошлым летом в здешних местах появилась молодая влюбленная парочка, умоляющая предоставить ей крышу над головой. Просящих пустила к себе еще не старая женщина, посчитавшая, что несколько сотен рублей не будут ей лишними. Она жестоко поплатилась за свое желание иметь на столе мясной суп и пирог с рыбой. Ее труп с выпученными глазами и вытекшей из носа серозной жидкостью найдут у входной двери. Жертва хотела жить и ползла туда, где ее могли бы увидеть и услышать. За нею тянулся длинный кровавый след.

В России чаще убивают за старые валенки, нежели за чемодан с деньгами. Бедная женщина и не подозревала, что являлась обладательницей сокровищ, а именно: медного самовара, алюминиевых бидонов и золотого колечка, которые убийцы не смогли снять с пальца и потому этот палец отрезали. Жизнь время от времени подкидывает нам новых Бонни и Клайдов. Они появляются то тут, то там, запах крови кружит им головы, но в российском формате их деяния наиболее бессмысленны и жестоки.

Криминальная парочка сгинула, но сослужила плохую службу Роману и Юльке, перед носом которых медленно, с убивающим надежду скрипом начала закрываться еще одна дверь.

– Пойдите, бабушка, – взмолилась Юлька. – Куда же нам идти? Посоветуйте.

Скрипнув петлями, дверь на секунду замерла.

– Идите по этой улице до самого конца. Там будет дом. Хороший такой дом. Спросите Ивана Андреича. Или его еще зовут дядей Ваней.

Металлический лязг возвестил о конце разговора.

Закат уже отгорел, и ночь тускло замерцала холодными голубыми звездами. В прохладном воздухе тоскливо повисла безнадега. На Ромку из темноты глянули глаза подружки, глаза, полные слез. То был пугающий взгляд. Так смотрят люди, знающие жизнь и понимающие, что помощи ждать неоткуда.

Юлька молчала. Молчала потому, что боялась разрыдаться. Отчаяние, смешанное с обидой на весь мир, свинцовой тяжестью лежало в ее душе. Не будь с нею Ромки, она наверняка дала бы волю слезам и, громко матерясь, пошла бы куда глаза глядят. Но присутствие рядом любимого человека не позволило ей сделать этого. Уже ни во что не веря, она дрожащими губами произнесла:

– Пойдем.

И они пошли к месту, указанному старухой.

Злая, готовая вот-вот сорваться Юлька, как ни странно, даже хотела, чтобы человек, именуемый Иваном Андреичем, отказал им. Уж тогда она прокляла бы этот сраный, отвергающий ее мир, прокляла бы... и все. Домашний мальчик, спотыкающийся о кочки и поправляющий очки, безропотно следовал за ней.

У дома, к которому примыкал черный немой лес, они остановились. Унылая мгла не могла скрыть добротности строения и ухоженности огорода, раскинувшегося за крепким, недавно выкрашенным забором. Отсутствие сорняков, дорожки между грядками, аккуратно выложенные каменными плитами, и новехонькая, только-только срубленная банька – все говорило о рачительности и трудолюбии хозяина. Кривые, похожие на больных стариков, избы, казалось, с почтением смотрели на своего молодого, пышущего здоровьем, брата.

Толкнув калитку, хорошо смазанные петли которой, не скрипнули, Юлька с сомнением в голосе тихо сказала:

– Здесь какой-то «кулак» живет.

Ромка понял, о чем она думает: такие люди не берут квартирантов. Действительно, зачем тебе парочка незнакомцев, если ты не нуждаешься ни в деньгах, ни в помощи. Посмотрев

Ромке в глаза, Юлька покачала головой. Это означало: старуха пошутила над ними, или что-то напутала, отправив сюда.

Лязг цепи и появление здоровенного лохматого пса заставили двух припозднившихся гостей шархануться назад. Пес угрожающе зарычал и потом залаял. Это не осталось без внимания. В одном из освещенных окон мелькнула чья-то тень. Дверь дома отворилась, и грубый низкий голос властно произнес:

– Тихо, Зэк, тихо.

Клыкастый страж повиновался. Над крыльцом загорелась лампочка.

Юлька с Ромкой напрягли зрение. В снопе желтоватого света стоял седовласый мужчина с колонноподобной шеей и ручищами, толстыми, как слоновий хобот.

– Чего хотели? – гаркнул он так неприветливо и жестко, что у незваных гостей по спинам пробежали мурашки.

Юлька поежилась. Идя сюда, она не так представляла себе Ивана Андреича и его дом. Прочное строение вместо избушки на курьих ножках, и его хозяин – миниатюрный вариант дуба вместо хилого, еле передвигающего ноги старца.

Громоподобный голос, которым можно отдавать войскам приказ, не имея рупора, раздался вновь. Он строго спрашивал, что нужно незнакомцам в столь поздний час.

– Мы хотели бы поговорить с Иваном Андреичем, – сказала сбитая с толку Юлька.

– Он перед вами, – отозвался мужчина.

– Понимаете, – после недолгой паузы Юлька заговорила, тщательно подбирая слова. – Мы ищем крышу над головой, и нам посоветовали обратиться к вам.

– Мой дом – не гостиница.

Другого ответа Юлька и не чаяла услышать. Легонько коснувшись руки Романа, она стала разворачиваться, чтобы уйти.

– Пойдите, – обладатель зычного голоса покинул свой наблюдательный пункт на крыльце и подошел к калитке.

Его рентгеновский взгляд впился в белеющие в темноте лица. Этот пронизывающий насквозь взор, словно луч фонаря, шарил, изучал, освещал. Как опер копается в карманах задержанного, так старик рылся, казалось, в самих мыслях молодых людей.

– Кто вы? Почему ищите жилье? – в тоне Ивана Андреича напрочь отсутствовало какое-либо участие.

Юлька замерла на месте – крепкий, с крупными чертами лица старик загипнотизировал ее. Умевшая грубо ответить и еще секунду назад готовая плюнуть на все, она, неожиданно для самой себя, хрипло проговорила:

– Нам некуда идти.

В эти слова, идущие от сердца, было вложено столько, что лицо дяди Вани на мгновение озарилось чем-то наподобие понимания. Он перевел взгляд с девушки на юношу. За толстыми стеклами Ромкиных очков прятались хорошо узнаваемые, испуганные глаза домашнего мальчика.

– Убежал от родителей? – спросил дядя Ваня.

Ромка, почувствовавший себя Эдипом подле Сфинкса, молча кивнул.

– Неужто в Стране Дураков лучше, чем дома? – выдохнул старик.

– Почему – в Стране Дураков?

– Да потому, что именно там оказывается большинство влюбленных. Эх, кабы сердце слушалось разума...

– Мы можем работать, мы труда не боимся..., – затараторил Ромка, увидевший впереди лучик надежды. Он сунул старику под нос ладони, демонстрируя мозоли. – Вот. Я грузчиком в порту работал... Мы... мы..., – он запнулся, – но здесь все боятся неизвестных людей.

– Люди у нас вообще привыкли бояться, – невесело улыбнулся старик. – Этот страх у нас, русских, передается из поколения в поколение, как наследственная болезнь. Да и вы тоже чего-то боитесь, иначе ночь-полночь не появились бы в этой глухомани. – Он указал пальцем на спортивную сумку, перекинутую через плечо Романа. – Вещей-то у вас немного.

– Это все, что у нас есть, – без тени улыбки сказала Юлька.

Мерцающие в вышине звезды внимательно следили, чем кончится разговор троицы. И вот старик ловким движением распахнул калитку и все тем же грубым командирским голосом сказал:

– Заходите.

Ромке, глянувшему в черную бездну неба, привиделось, будто в тот момент звезды на краткий миг погасли, а затем вспыхнули вновь, точно небесный свод от изумления вдруг моргнул. Не веря своим ушам, он обратил взгляд к Юльке, которая так же находилась в замешательстве.

Дядя Ваня, сделавший уже несколько шагов в направлении дома, остановился и, бросив через плечо: «Ну, и долго вас ждать?», двинулся дальше.

Ромка и Юлька, вышедшие из оцепенения, последовали за ним. Выступившее из темноты чудовище зарычало.

– Иди в конуру, Зэк, – скомандовал старик, укрощая пса.

Пес все понял.

– Почему вы зовете его Зэком? – спросил Ромка.

– А кто же он, по-твоему? – раздалось в ответ. – Себе не принадлежит, свободы лишен, на шее цепь. Узник. Но «узник» тяжело выговорить, а Зэк – в самый раз.

– Вы знаете, у нас совсем мало денег, – начала Юлька, – и мы...

Старик перебил ее:

– О-о-о, это проблема. Деньги – такая штука: тираж огромный, а на всех не хватает.

Он улыбнулся, но не Ромка, не Юлька не увидели этой доброй улыбки, потому что шли позади.

...За окном в лунном сиянии легко двигались причудливые тени, способные напугать труса и рассмешить весельчака. Пес, сквозь сон слыша лишь завывания ветра, лежал в своей уютной, пропитанной запахом говяжьей косточки, конуре. Вымотавшиеся Роман и Юлька спали в отведенной им комнате. Они провалились в темный колодец сна сразу же, как только головы их коснулись подушек. Счастлив тот, чей трудный день кончается крепким, здоровым сном.

Ночь, с ее таинственными шорохами и разлитой в воздухе чернильной тьмой правила безраздельно. Убаюканные мглой и колыбельными песнями привидений, черные, утонувшие в безмолвии дома, спали. И только в маленькой, размером с чулан, комнатушке, куда влезли лишь диван да письменный стол, горел свет.

Сидя на стуле и держа в руках серебряную иконку, дядя Ваня вспоминал паренька, которому она когда-то спасла жизнь. Его шершавый палец коснулся зазубрины, оставленной на металле лопатой – той, что рыла могилу живому человеку.

Мне некуда идти. Именно так сказал худенький, взъерошенный паренек, сжимавший эту иконку в руке и глядящий на мир глазами злобного, изголодавшегося волчонка.

Девчонка, что сейчас сопела за стенкой, смотрела точно так же. Ее глаза были омутами, где ненависть плескалась рядом с отчаянием.

Иногда простые, произнесенные с чувством слова, могут изменить мир. Минуты, когда в твоём собеседнике говорит само сердце, остаются в памяти на всю жизнь. Старик часто вспоминал свою первую встречу с дерзким, матерящимся на чем свет стоит мальчишкой. И сегодняшний визит парочки стал эхом той встречи. Глаза назвавшейся Юлией девушки были так похожи на глаза того мальчишки. Вероятно, два этих человека ходили по одним и тем же доро-

гам, дорогам, испещрившим дно общества. Знакомые с подобными дорогами имеют одинаковый взгляд и употребляют одинаковые слова.

Девушка во сне тяжело вздохнула, и старик нахмурил брови. В Юлькином вздохе ему слышались бессонные, полные тревог ночи и длинные-длинные населенные призраками прошлого дни.

Старик потушил настольную лампу и перед тем, как лечь спать, тихо произнес:

– Эх, Максим, Максим, где же ты сейчас?

Звезды подмигивают

Желание уколотся весь день водило Славку по дворам, где он встречал себе подобных, которые так же часами топтали асфальт, но не находили искомое.

Где взять деньги? – главный вопрос наркомана. Обычные люди тоже решают эту проблему, но в отличие от них, для наркомана денежный вопрос стоит болезненно остро. Постоянное отсутствие средств – форма существования каждого, кто сделал героин своим культом. Поиск средств – первоочередная задача поклоняющихся этому культу, и едва разбуженные находящейся вечно поблизости ломкой, они принимаются за дело. В чем, в чем, а в изворотливости, хитрости и изобретательности им не откажешь; как, впрочем, и в артистизме. Да, жизнь предоставила им сцену, а нужда сделала их актерами. И какими! Просто диву даешься, с какой легкостью они забирают деньги у лоха, пообещав ему через час принести золота на астрономическую сумму. Другому же они гарантируют к вечеру пятьдесят тысяч, а в долг берут всего пять, и даже оставляют в залог ценные бумаги; на все это лох покупается, как индеец на бусы, и, конечно же, остается с носом и ворохом макулатуры. Третьему они делают водительские права: звонят кому-то, с кем-то договариваются, отправляют «сладкого» фотографироваться, затем уверяют, что все на мази, просят деньги и, получив заветные купюры, исчезают.

Как они умеют обещать! Ведущие свою предвыборную компанию депутаты должны учиться у них. В наркоманах есть что-то от сирен, иначе почему их песни так завораживают? С ними достаточно остановиться, прислушаться к ним – и ты уже, сам не понимая, что творишь, лезешь в карман.

Мы живем в мире, где убийцу родной матери простят скорее должника, а потому рабы героина страдают за свою ложь. Но им плевать. Для них не существует завтра, *они живут только настоящим*. Им начхать на то, что вслед за получением денег придет расплата. *Главное – взять*, остальное – детали. Их часто бьют, и синяки и ссадины для них – нечто, само собой разумеющееся. К заветной цели – купить порошок – они несутся, сломя голову и не обращая внимания на такие мелочи, как сломанные ребра, повестки в милицию и всеобщее осуждение.

Что такое – быть наркоманом?

Это значит, открыв глаза, тотчас пожалеть, что проснулся. Это значит, входя в магазин, чувствовать на себе внимательный взгляд охранника, а, возвращаясь в родной двор, слышать недовольный полусшепот гуляющих с детьми теток. Это значит – терпеть боль, ища у себя вену, и терпеть издевательства подростков, у которых всегда чешутся кулаки. Это значит – сознавать свое ничтожество, и мириться с ним. Это значит – видеть безнадегу в глазах матери и слышать от нее страшное: «Для меня и для тебя было бы лучше, если б ты умер». Это значит – увидеть давнего знакомого и не поздороваться с ним из страха, что он не протянет руки. Это значит – выискивать глазами кредиторов, чтобы обойти их стороной. Это значит – забыть обо всех прелестях жизни и вообще о том, что существует иная форма бытия. Это значит – потерять друзей, любимую и саму надежду вернуть потерянное. Это значит – разогревая в ложке героин, играть в русскую рулетку, потому что качество порошка тебе неизвестно и ты можешь сдохнуть от передоза. Это значит – рискуя свободой, красть у всех без разбора...

На прошлой неделе Славка продал золотое кольцо, легкомысленно оставленное матерью на трюмо. Мать недолго искала пропавшую – минут через пять ей все стало ясно. Ее глаза метали молнии, в словах слышались громы. Слез не было (она выплакала их давно), была только злость на сына и на бесконечно несправедливую жизнь. Славка не мог видеть ее покрытое мраком отчаяния лицо и ушел из дому. Два дня он жил у пацана, с которым кололся, но на третий вернулся обратно. В квартире было тихо, как ночью в музее: мама на работе, сестра в школе. Недавно матери дали зарплату, и если деньги тут, он, Славка, их обязательно найдет. Да он нашел бы и Атлантиду, скажи ему только, что пачка купюр погребена среди древних разва-

лин! Деньги от него нельзя было спрятать, и как не исхитрялась мама, он неизменно выходил победителем. Славка отыскивал банкноты в стопках постельного белья, доставал их из замороженной курицы, находил в банках с крупами. Чутье профессионального вора, обостренное маячившей рядом ломкой, не подводило его.

Но денег в квартире не оказалось. Видимо, мама предусмотрительно оставила их в сейфе на работе. Это означало одно: нужно вступить в контакт с товарищами по несчастью и сообща что-нибудь придумать. Славка отправился в тихий дворик, где по вечерам, в сумрачной тени деревьев собирались родственные ему души. Здесь, вдали от посторонних взглядов, они искали пути решения своей проблемы.

Увидев блеклые, лишенные красок жизни лица, Славка поздоровался.

– Хай, – приветствовал его Костыль, одетый в старый, бесформенный, на два размера больше, чем следовало, костюм.

– Привет, еле ворочая языком, выдавил Шиш.

А маленькая и бледная, точно невеста Дракулы, Яна безмолвно махнула рукою.

Угадав некоторое умиротворение во внешности приятелей, Славка спросил:

– Поставились?

– Угу, – Костыль осторожно, словно боясь промахнуться мимо рта, поднес к губам сигарету. – Можешь тоже врезаться. Для хорошего человека ничего не жалко.

Славка тут же вмазался и, закурив, поинтересовался:

– Откуда дровишки?

– А-а-а, – протянул Костыль. – Шиш подбанчил. Он у нас нынче герой-любовник.

– Как это?

– Тёлу одну приболтал, ха-ха. Этой дуре двадцать лет, а члена не видывала. Тошная, как моя жизнь. Кто на такую позарится? В общем, любви хочет, а тут Шиш. На безрыбье, сам понимаешь, и жопа соловей. Родители этой шкуры при «бабках», на рынке турецкими гнидниками торгуют. Вот Шиш ее и крутит, как мельницу.

– Да-да, – подтвердил Шиш. – У них дома товару-у-у... – он провел пальцем по горлу. – Вчера две кожаных куртки насадили, сегодня – три. Там, прикинь, даже и не убыло. От большого немножко – не грабеж, а дележка. Завтра еще закрома тряхнем. Побольше утянем, чтобы «лекарства» в достатке было.

– Смотри, не почерней, – сказал Славка.

По опыту он знал: наркомана губят не мелкие приходы, а большой куш. Получив хорошие деньги, наркоман покупает героин впрок, с избытком. И точно так же ставит его – усиленной дозой. Отсюда передозировки и смерть.

– Не почернею, – заверил его Шиш. – Сдохнуть сейчас, когда все так сливочно – это верх скотства.

Все засмеялись.

– Так что теперь Шиш – Казанова, – коснувшись Славки нетвердой рукой, молвил Костыль. – А я и не подозревал в нем такую силу. Я, признаться, думал, что у него уже давно полшестого.

Новый приглушенный взрыв хохота заставил Шиша нахмуриться. Его затуманенные наркотической дремотой глаза на миг вспыхнули.

– Эй, ты че гонишь! – вознегодовал он. – Какое – полшестого?

– Ну, самое большее – полседьмого, – густо пересыпая матом каждое слово, начала Яна. – Я как-то у тебя сосала, забыл? Проще мертвую змею сделать твердой. Полчаса нализывала, и что толку? Так и заснула с твоим червяком во рту.

Видя, что его приперли к стенке, Шиш с улыбкой сдался:

– Ладно-ладно, ваща взяла. Но пока у меня есть пальцы, я все еще мужчина, хи-хи-хи.

– Телка-то эта сама на «колючке»? – полюбопытствовал Славка.

– Не-а, прикинь, – мотнул головой Шиш, и тут же, с размазанной по лицу улыбкой добавил: – Просто меня любит. Я ей говорил: мол, попробуй – она ни в какую. Чешет, что ее интересую я, а не наркота. Но это в натуре так, она не врет. Целка еще. До двадцати дожила, а пацана голого не видела. Таких и надо разводить пожиже, они сладкие, как рахат-лукум.

Славке стало жаль эту неискушенную, вцепившуюся во что ни попадя девчонку. На ее месте он представил свою младшую сестру. Фантазия вызвала у него неприятную дрожь, будто он прикоснулся к жирному мохнатому тарантулу. Что бы он сделал, если б узнал о любви сестры к Шишу? Ответ вырвался сам собой:

– Я бы его убил.

На секунду тянувший свою песню Шиш и хихикающие Яна с Костылем умолкли. Их взоры обратились к ушедшему в себя Славке.

– Э-э, да парнишка-то под колпаком, – вынесла Яна вердикт. – Задумался шибко. – Она щелкнула пальцами перед Славкиным носом. – Ку-ку, мы тут.

Все смеялись, и Славка, словно очнувшийся от страшного сна, поддержал компанию. Он улыбался одними губами, а невеселые глаза переводил с одного опостылевшего ему лица на другое. Он вдруг поймал себя на мысли, что ненавидит этих ублюдков. «Нет, – подумал он в следующее мгновение, – ненавидеть можно кого-то серьезного, кто не вызывает у тебя отвращения, а Шиша, Костыля и Яну можно лишь презирать». Эти три лица, с размытыми чертами, оживили в Славке глубоко похороненные воспоминания – воспоминания об иной, *настоящей* жизни. Еще не так давно он смотрел на Костыля и ему подобных, как на нечто из другого измерения, а теперь сам стал участником героиновой регаты.

Эх, где же то время, когда все было радужно, зелено и успех лежал прямо под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.